

Вл. А. ЛУКОВ

**АКАДЕМИК Д. С. ЛИХАЧЕВ И ЕГО КОНЦЕПЦИЯ
ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ ЛИТЕРАТУРЫ**

МОСКОВСКИЙ ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
Институт фундаментальных и прикладных исследований
Центр теории и истории культуры
МЕЖДУНАРОДНАЯ АКАДЕМИЯ НАУК (IAS)
Отделение гуманитарных наук Русской секции
МЕЖДУНАРОДНАЯ АКАДЕМИЯ НАУК ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ
Центр тезаурусных исследований

Вл. А. ЛУКОВ

**АКАДЕМИК Д. С. ЛИХАЧЕВ
И ЕГО КОНЦЕПЦИЯ
ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ ЛИТЕРАТУРЫ**

МОНОГРАФИЯ

Москва
ГИТР
2011

УДК 82.091
ББК 83.3Р1
Л 84

*Исследование выполнено
при поддержке РГНФ (проект 06-04-92703а/Л),
печтается по решению
Института фундаментальных и прикладных исследований
Московского гуманитарного университета*

Луков Вл. А.

Л 84 Академик Д. С. Лихачев и его концепция теоретической истории литературы: Монография. — М.: Гуманитарный институт телевидения и радиовещания им. М. А. Литовчина (ГИТР), 2011. — 116 с.

ISBN 978-5-94237-040-4

В монографии доктора филологических наук, профессора Вл. А. Лукова показан путь в науке выдающегося литературоведа академика Д. С. Лихачева (1906–1999), проанализирована его концепция теоретической истории литературы и обозначены перспективы ее применения в науке о литературе через историко-теоретический и тезаурусный подходы.

УДК 82.091
ББК 83.3Р1

Рецензенты:

доктор филологических наук, профессор В. П. Трыков (МПГУ),
доктор философии (Ph.D), кандидат филологических наук
Н. В. Захаров (МосГУ)

ISBN 978-5-94237-040-4

© Луков Вл. А., 2011.

ПРЕДИСЛОВИЕ

В 2011 г. исполняется сто пять лет со дня рождения академика Дмитрия Сергеевича Лихачева, крупнейшего отечественного литературоведа, сыгравшего решающую роль в возвращении семивекового наследия древнерусской литературы в актуальное поле русского культурного сознания, человека, ставшего эталоном нравственности ученого-гуманитария.

В данной работе рассматривается вклад выдающегося ученого в создание теоретической базы для истории литературы, придания этому разделу литературоведения подлинной самостоятельности, которая может возникнуть только тогда, когда у филологической дисциплины появится своя стройная теория.

История литературы — относительно новая наука, насчитывающая не более двух веков. На протяжении тысячелетий человечество фиксировало сведения о развитии литературы в других формах. Изустно бытовали и записывались легенды о древних певцах, сказителях, мудрецах — Орфее и Гомере, Конфуции и Вальмики, Заратуштре и Моисее. Биографии трубадуров (XIII в.) также носят легендарный характер, как и первая биография Шекспира (Н. Роу, 1709). Реальное, документальное смешивалось с фантастическим, история представала в персоналиях авторов, главное не отделялось от второстепенного.

Параллельно развивался другой источник науки о литературе — поэтика как нормативная теория. Здесь со времен «Поэтики» Аристотеля царило представление об извечных законах литературного творчества, особое внимание уделялось жанровой классификации и кодификации. Третий важнейший источник истории литературы — литературная критика, достигшая больших высот уже в XVIII веке.

Чтобы могла появиться новая наука, необходимо было:

1) осознать специфику научного знания как достоверного и проверяемого (сделано в философии и точных науках в XVII–XVIII веках);

2) разработать и освоить принцип историзма (сделано романтиками в начале XIX века);

3) соединить в анализе данные о писателе и его произведении (сделано французом Сент-Беном в 1820–1830-е годы);

4) выработать представление о литературном процессе как закономерно развивающемся явлении культуры (сделано литературоведами XIX–XX веков).

Возможность построения истории литературы оспаривается некоторыми теоретиками едва ли не с момента ее возникновения. Это связано с рядом проблем самой этой области знания, отличием объекта исследования — литературы — от других объектов, легче поддающихся исторической характеристике. Тем не менее, можно найти и в этом случае убедительные аргументы в пользу построения рассматриваемой дисциплины.

Более того, очевидно, наступил момент, когда история литературы, растворенная в литературоведческих дисциплинах и не выделяемая в отдельную область филологического знания, может приобрести этот статус, для чего в первую очередь следует в теории литературы выделить систему категорий, образующих самостоятельную систему — теорию истории литературы; сформировать как специальную область знания историографию истории литературы; определить методологическую основу истории литературы.

В данной работе мы связываем наступление этого момента с появлением концепции академика Д. С. Лихачева, определенной им как теоретическая история литературы.

ГЛАВА I

Д. С. ЛИХАЧЕВ: ПОРТРЕТ УЧЕНОГО В ГУМАНИТАРНОЙ НАУКЕ

§ 1. Путь Д. С. Лихачева в науке: ритмы, этапы, проблемы

Д. С. Лихачев родился 28 (15) ноября 1906 г. в Петербурге. Он учился в Гимназии и реальном училище К. И. Мая, школе Лентовской (см.: Лихачев, 1987d: 4–7, 11–12), на всю жизнь запомнив преподавателя Л. В. Георга (Лихачев, 2000), затем, в 1928 г., окончил факультет общественных наук Ленинградского государственного университета, получив прекрасное филологическое образование, среди его учителей были выдающийся ученый-филолог Л. В. Щерба (Лихачев, 1987b: 227–229), а также В. Е. Евгеньев-Максимов, В. М. Жирмунский, Б. А. Кржевский, В. К. Мюллер, С. П. Обнорский, А. А. Смирнов, Е. В. Тарле, В. Ф. Шишмарев, Б. М. Эйхенбаум и др. (Лихачев, 1987d: 12–17). Он написал две дипломные работы: «одну о Шекспире в России в конце XVIII — самом начале XIX в., другую — о повестях о патриархе Никоне» (там же: 14). Перед ним открывались хорошие перспективы научной работы, но роковой поворот судьбы надолго выбивает его из намеченной колеи. Случайная студенческая шутка, превратно понятая властями, приводит к нелепому обвинению в связях с Ватиканом, аресту, суду.

Проведя четыре года (1928–1932 гг.) в Соловецком и Беломоро-Балтийском лагерях, едва там не погибнув, Д. С. Лихачев сохранил самые светлые черты русской духовности, патриотизма, ответственности перед будущими поколениями и скромности. Хотя обвине-

ния с него были сняты, найти работу после пребывания в лагерях было непросто, и будущий ученый с огромным трудом устроился на должность корректора. Тем не менее, его научные возможности были замечены, и с 1935 г. он начинает печататься (Лихачев, 1935), а в 1938 г. поступает на работу младшим научным сотрудником в Институт русской литературы (Пушкинский дом) в Ленинграде, с которым будет связана вся его дальнейшая научная деятельность (с 1941 г. был старшим научным сотрудником, с 1954 г. он возглавлял в ИРЛИ сначала сектор, потом отдел древнерусской литературы). В 1941 г. Д. С. Лихачев защитил кандидатскую диссертацию на тему «Новгородские летописные своды XII века», а после войны, в 1947 г. защитил докторскую диссертацию по филологическим наукам «Очерки по истории литературных форм летописания XI–XVI веков».

Самым большим жизненным испытанием для ученого стали война и блокада Ленинграда, пройдя через все ужасы которой, потеряв близких, он не только выжил, но и внес свой вклад в укрепление патриотизма защитников родного города, опубликовав в осажденном Ленинграде в 1942 г. свою первую книгу — «Оборона древнерусских городов» (совм. с М. А. Тихановой, см.: Лихачев, Тиханова, 1942).

В победном 1945 г. вышли две его книги: «Национальное самосознание Древней Руси: Очерки из области русской литературы XI–XVII вв.» (Лихачев, 1945a) и «Новгород Великий: Очерк истории культуры Новгорода XI–XVII вв.» (Лихачев, 1945b).

Очень плодотворным по публикациям оказался 1950 г., во многом благодаря поддержке со стороны В. П. Адриановой-Перетц. Это был год 150-летия первого издания «Слова о полку Игореве», и большинство работ были посвящены именно этому произведению (Лихачев, 1950a, 1950b, 1950d, 1950e, 1950f).

Формирование национального самосознания русских людей и его самобытных форм, отразившихся, в частности, в Новгородском вече,

становятся лейтмотивом дальнейших исследований Д. С. Лихачева. Масштабы этих исследований поразительны: ученый опубликовал около 50 книг, из которых наиболее известны работы о возникновении и ранних этапах развития русской литературы и культуры, «Слове о полку Игореве», поэтике древнерусской литературы, «смеховом мире» Древней Руси, семантике садово-парковых стилей (Лихачев, 1952, 1955, 1958, 1961, 1962, 1967, 1975; Лихачев, Панченко, 1976; Лихачев, 1978, 1982; Лихачев, Панченко, Понырко, 1984; Лихачев, 1986, 1987b и др.).

Многие из них неоднократно переиздавались, публиковались в переводах на английский, болгарский, венгерский, греческий, датский, испанский, немецкий, норвежский, польский, румынский, сербохорватский, словацкий, украинский, финский, французский, чешский, шведский, японский языки.

Д. С. Лихачев выступил ответственным редактором, составителем, комментатором более 75 изданий, среди которых академические издания «Слова о полку Игореве», посланий Ивана Грозного и Андрея Курбского, сказаний и повестей о Куликовской битве, «Повести о Горе-Злочастии» и других важнейших произведений древнерусской литературы (Слово о полку Игореве, 1950; Послания Ивана Грозного, 1951; Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским, 1979; Сказания и повести о Куликовской битве, 1982; Повесть о Горе-Злочастии, 1984; и др.), четырехтомной «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина (Карамзин, 1988–1989), десятков сборников научных трудов (среди них: Древнерусская литература и русская литература XVIII–XX веков, 1971; Исследования «Слова о полку Игореве», 1986; Филологические исследования, 1990).

Д. С. Лихачев был увенчан самыми высокими учеными степенями и званиями, поставлен во главе крупных научных проектов и различных научных сообществ. Если следовать хронологии его жизненного пути, то можно отметить следующие вехи признания:

1947 г. — доктор филологических наук,
1951 г. — профессор,
1952 г. — Государственная премия СССР,
1953 г. — член-корреспондент АН СССР,
1956 г. — член Союза писателей СССР,
1961–1962 гг. — депутат Ленинградского городского Совета,
1963 г. — иностранный член АН Болгарии, награжден болгарским орденом Кирилла и Мефодия I степени,
1964 г. — почетный доктор наук Торуньского университета (Польша),
1966 г. — награжден орденом Трудового Красного Знамени,
1967 г. — почетный доктор наук Оксфордского университета,
1969 г. — Государственная премия СССР, член-корреспондент Австрийской академии наук,
1970 г. — действительный член АН СССР,
1971 г. — председатель редколлегии серии «Литературные памятники» (до 1993 г.), иностранный член АН Сербии, почетный доктор наук Эдинбургского университета,
1973 г. — иностранный член АН Венгрии,
1974 г. — председатель редколлегии ежегодника «Памятники культуры. Новые открытия»,
1976 г. — член-корреспондент Британской академии наук,
1977 г. — награжден вторым болгарским орденом Кирилла и Мефодия I степени,
1979 г. — международная премия Болгарии,
1981 г. — международная премия Болгарии,
1982 г. — почетный доктор наук университета Бордо (Франция),
1983 г. — председатель Пушкинской комиссии АН СССР, почетный доктор наук Цюрихского университета,
1984 г. — имя Лихачева присвоено малой планете № 2877,

1985 г. — почетный доктор наук Будапештского университета,
1986 г. — Герой Социалистического Труда, почетный председатель Международного общества по изучению творчества Ф. М. Достоевского, организовал Советский (ныне Российский) Фонд культуры, председатель президиума Фонда (по 1993 г.),

1987 г. — иностранный член АН Италии, член редколлегии журнала «Новый мир», депутат Ленинградского городского Совета (1987–1989 гг.),

1988 г. — член-корреспондент Геттингенской академии наук, почетный доктор наук Софийского университета, член редколлегии журнала «Наше наследие»,

1989 г. — Народный депутат СССР (1989–1991 гг.) от Советского Фонда культуры,

1990 г. — вошел в Международный комитет по организации Александрийской библиотеки (Египет),

1993 г. — Первый Почетный гражданин Санкт-Петербурга,

1997 г. — Русской академией искусствознания и музыкального исполнительства награжден орденом искусств «Янтарный крест».

В годы перестройки Д. С. Лихачев погружается в политическую деятельность, именно он, будучи депутатом Верховного Совета СССР, внес предложение избирать первого президента СССР не путем всенародного референдума, а голосованием депутатов Верховного Совета, чтобы избежать назревающей конфронтации в стране.

Самого Д. С. Лихачева ожидало разочарование в политической деятельности, но он до конца жизни сохранил уважение всего народа, благодаря стойкой позиции мудрого ученого-гуманитария, сторонника социальной справедливости и духовности культуры. Д. С. Лихачев скончался 30 сентября 1999 г. в Санкт-Петербурге. Похоронен в Комарове.

Сопоставляя даты приведенной выше хроники признания Д. С. Лихачева с хроникой издания его основных сочинений,

нельзя не отметить крайне поверхностную их связь. Признание в Венгрии, Италии, Великобритании, Германии, Франции, Швейцарии вовсе не сопровождалось поворотом к изучению культуры, литературы этих стран или хотя бы соответствующих русско-зарубежных связей. Вхождение в египетский Международный комитет по организации Александрийской библиотеки не привело к появлению фундаментальной работы в этой области. Руководство крупнейшими организациями по изучению творчества А. С. Пушкина и Ф. М. Достоевского также не было ознаменовано созданием капитальных трудов, а статьи об этих писателях, демонстрирующие глубокое проникновение в их творчество (иногда построчно, пословно), написаны вне связи с руководством этими комиссиями (1983 и 1986 гг.): так, статьи о Пушкине относятся к 1979 г. («Крестьянин, торжествуя...», «Сады Лицея»), о Достоевском к 1970 г. («Достоевский в поисках реального и достоверного»), к 1971 г. («Предисловный рассказ» у Достоевского»), к 1976 г. («Небрежение словом» у Достоевского»), маленькая заметка «Готические окна» Достоевского к 1984 г. (все названные статьи вошли в 3-й том издания: Лихачев, 1987а: т. 3: 227–243, 257–298).

Поэтому связать научную эволюцию Д. С. Лихачева с внешним его восхождением к вершинам признания в науке и политике не представляется возможным.

Но анализ основных работ Д. С. Лихачева позволяет выделить этапы этой эволюции.

Очевидно, работы 1938–1958 гг., при всей их значимости, следует отнести к периоду первоначальных исследований, когда собирался материал для последующих фундаментальных обобщений.

Далее следует период 1958–1973 гг., который можно определить как период «первой концепции» Д. С. Лихачева. Эта концепция определяется двумя книгами — «Человек в литературе Древней

Руси» (Лихачев, 1958, 1970b) и «Поэтика древнерусской литературы» (Лихачев, 1969). Первая из них раскрывает концептуальный подход к содержанию древнерусской литературы, в то время как вторая сосредоточена на раскрытии ее форм.

В 1973 г., с выходом в свет работы «Развитие русской литературы X–XVII веков: Эпохи и стили» (Лихачев, 1973), начинается этап «второй концепции» Д. С. Лихачева. Во введении к этой книге была изложена идея теоретической истории литературы, которая и составила «вторую концепцию». Борьба за новую идею была, очевидно, очень драматичной. Обращает на себя внимание выход уже в 1976 г. книги «„Смеховой мир“ Древней Руси», написанной в соавторстве с А. М. Панченко (Лихачев, Панченко, 1976), а в 1984 г. работы «Смех в Древней Руси» в соавторстве с А. М. Панченко и Н. В. Понырко (Лихачев, Панченко, Понырко, 1984). Обычно Д. С. Лихачев не писал трудов с соавторами. Но в данном случае заметно, что у него соавторы не только в представлении конкретного материала, но и в самой концепции. Смеховая культура — это и аспект, и термин, и концепция М. М. Бахтина, наиболее детально изложенная в работе о Рабле (Бахтин, 1965). Хотя монография была написана М. М. Бахтиным в 1940 г., но опубликована только в 1965 г., а к середине 1970-х годов вместе с работой о Достоевском ставшая буквально культовой в отечественном литературоведении.

В это же время широчайшее признание получили работы Ю. М. Лотмана и Тартусско-Московской школы, подвергшие литературу и другие искусства семиотическому анализу, выявляя семантику знаков художественного языка (собраны в изд.: Лотман, 1998). В одном из самых оригинальных трудов Д. С. Лихачева этой поры, наиболее далеко отходящем от исследования древнерусской литературы, — в его работе «Поэзия садов: К семантике садово-парковых стилей» (Лихачев, 1982) чувствуется влияние этой школы.

Надо сказать, что обращение к чужим концепциям предстает у Д. С. Лихачева очень органично, не затемняет его собственную мысль, не вступает в противоречие с конкретным материалом.

Но при этом заметно, что собственная концепция теоретической истории литературы автором как бы брошена, уходит в тень примерно на 15 лет, когда она получает широкое признание, но, очевидно, с опозданием: ученый переиздает свой труд, содержащий эту концепцию, но каких-либо новых поворотов, аспектов этой концепции в его последних трудах фактически не встречается.

Поэтому в дальнейшем мы будем представлять эту концепцию Д. С. Лихачева (как она названа выше, — «вторую концепцию») именно по работе «Развитие русской литературы X–XVII веков: Эпохи и стили». Именно в этой концепции видится основной теоретический вклад Д. С. Лихачева в современную науку о литературе.

§ 2. Д. С. Лихачев: харизма ученого как фактор концептуализации гуманитарного знания

В монографии «Гуманитарное знание: Тенденции развития в XXI веке» (Гуманитарное знание: Тенденции развития в XXI веке, 2006), написанной коллективом Института гуманитарных исследований (ныне Института фундаментальных и прикладных исследований) Московского гуманитарного университета (с участием автора данной работы) развивается концепция ученого-гуманитария как своего рода демиурга, понимаемого и научно, и образно. Отмечено, что ученый-гуманитарий в своей функции демиурга, или иначе создателя картины мира, — образ слишком возвышенный, чтобы его черты можно было находить в обычном реальном научном работнике, пишущем очеред-

ной реферат по вышедшим за последний месяц публикациям своих коллег, или переживающем по поводу не выигранного гранта РФФИ, или ставшем «машиной для чтения лекций», чтобы поддерживать скромный образ жизни. Очевидно, что образ демиурга — обобщение созидательного потенциала всего научного сообщества, который складывается из разных по масштабам дарований и достижений, из несопоставимых долей и вкладов, но таких, которые придают целому синергию. И такое целое — больше суммы составляющих его частей.

Но, как подчеркивается, в науке всегда есть примеры, когда перекресток тенденций в научном знании совпадает с крупной, неординарной личностью ученого-гуманитария. Он, вроде бы, такой же, как и другие в его области деятельности, но — энергичнее, шире по кругозору, упорнее в достижении цели, убедительнее в аргументах, концептуальнее. Он больше видит, больше может, он работает за шестерых, но и этого ему мало. Главное — он одухотворен высокой научной идеей, он ее адепт, провозвестник, защитник. Он становится образцом для подражания, центром притяжения новых и новых талантов, учителем для молодых. Он приобретает научный авторитет, становится основателем научной школы. Таких личностей в истории науки и много, и мало. Много — поскольку науки, гуманитарные в том числе, — это великое множество направлений, отраслей, дисциплин, развивающихся веками и рождающихся на глазах. Множество исследовательских институтов и университетов во всем мире, и несть числа защитившим диссертации — бакалаврские, магистерские, кандидатские, докторские... мало — потому что в этой бездне ученого люду выдающаяся личность не частое явление, и многие коллективы, делающие науку, не имеют в своем составе ученого с большой буквы, хотя и справляются со своими плановыми заданиями (там же: 69–70).

Вне всякого сомнения, примером ученого-гуманитария как демиурга в персональном воплощении может выступать Дмитрий

Сергеевич Лихачев. Ему были присущи все названные качества: бóльшая широта кругозора, чем у других специалистов его профиля; упорство в достижении цели; концептуальность; одухотворенность высокой научной идеей; создание научной школы.

Развивая изложенную выше концепцию ученого-гуманитария как демиурга, следует особое внимание уделить качеству личности, придающему ей особое значение в глазах окружающих, сообщества, всего общества, — так называемой харизме.

Это слово получило очень широкое хождение только в последние годы. Его нет у В. И. Даля (Даль, 2007), такого слова не употреблял Ф. М. Достоевский (см.: Шейкевич, Андрющенко, Ребецкая, 2003), отсутствует оно и в академическом «Словаре русского языка» (Словарь русского языка, 1957–1961). Этого понятия еще нет и в «Словаре иностранных слов» (Словарь иностранных слов, 1989), состав словника которого сформировался к 1979 г. А вот в «Современном толковом словаре русского языка», отражающем состояние вопроса к началу XXI века, уже имеется следующая словарная статья: «Харизма, -ы; ж. [греч. charisma — милость, божественный дар]. 1. Исключительная одаренность (о святых). 2. Высокий авторитет, основанный на умении подчинять других своей воле. — Харизматический, -ая, ое» (Современный толковый словарь русского языка, 2004: 901). Это слово есть в «Новом завете», где оно означает «милость, дар» (Дворецкий, 1958: т. 2: 1766), а в науке закрепилось благодаря концепции власти М. Вебера.

Особенно значимым слово «харизма» стало в период осмысления «феномена Ельцина». Отсутствие важнейших черт успешного политического руководителя (ответственность, последовательность, целеустремленность, культура, яркая речь и т. д.) и присутствие негативных, даже неприемлемых черт, даже анекдотичность образа — и при этом первый случай всенародного прямого голосования

за него как за президента России и последующее переизбрание на этот пост надо было как-то объяснить. Вот тогда оказалось очень действенным понятие «харизма» — необъяснимая власть человека над другими людьми.

Такая власть действительно существует, харизма может быть присуща человеку, а может и отсутствовать в наборе его психологических черт. Наиболее заметна харизма у политических деятелей, руководителей разного ранга, но также она, несомненно, присуща артистам, поэтам, музыкантам, учителям и другим категориям людей, в задачу которых входит захватить внимание и волю больших масс и повести за собой нередко без аргументов, силой одного авторитета.

Харизма тесно связана с креативностью, но, видимо, даже при эпатажности не переходящей некоей меры, за пределами которой видится анархия с разрушением самого принципа авторитета.

Присуща ли харизма ученым? Безусловно. Была присуща она и Д. С. Лихачеву.

Но именно на его примере можно увидеть, что для ученого-гуманитария харизма не ограничивается названными выше признаками и даже не сводится к ним. Харизма ученого-гуманитария выступает прежде всего как фактор концептуализации гуманитарного знания. Если ученые в естественнонаучных областях знания при создании научной концепции могут опереться на материал наблюдения и эксперимента, то в гуманитарной области очень многое определяется авторитетом той или иной научной школы или отдельного ученого. Яркий пример — авторитет Аристотеля, определявший концептуализацию сферы поэтики литературного произведения в течение около двух с половиной тысячелетий. Возможны ли были другие поэтики или «Поэтика» Аристотеля отражала некую объективную характеристику литературы? Существование древнеиндийских, древнекитайских и иных поэтик, критика классицистов романтика-

ми и последующее многообразие поэтик показывает, что позиция Аристотеля — лишь одна из возможных концепций и ее господство в течение столетий харизматично.

Из относительно недавней истории литературоведения можно привести широко известную эстетическую концепцию М. М. Бахтина, субъективную как по содержанию, так и по системе терминов, которая была многократно дублирована в сотнях исследований других авторов. Здесь также можно увидеть действие харизмы, которой в гуманитарном знании обладает не только ученый, но и его концепция.

Постмодернисты, при всей сомнительности их взглядов на литературу и искусство, блестяще показали, что может быть создана система, альтернативная любой из устоявшейся в гуманитарной науке и поэтому почитаемой как отражающая объективное положение вещей. Думается, именно из применения постмодернистской процедуры деконструкции вытекает, что основным фактором концептуализации гуманитарного знания выступает харизма ученого-гуманитария и его концепции (как это нетрудно показать на примерах Р. Барта, М. Фуко, Ж. Деррида и др.).

Если с этой точки зрения посмотреть на творчество Д. С. Лихачева, можно выделить ряд его харизматических концепций. Некоторые из них были приняты почти без критики (концепция монументально-исторического стиля древнерусской литературы, искусства, культуры; человек как главная ценность русского искусства; и др.).

Другие концепции имели более сложную судьбу.

Остановимся на одном примере, позволяющем увидеть, как новая концепция встраивается в систему уже существующих теорий, как она приобретает харизму, ограждающую ее от критики. Речь пойдет о «Слове о полку Игореве» (возможная дата — ок. 1187 г.).

Напомним некоторую предысторию. Текст памятника был найден в единственном экземпляре, который погиб во время по-

жара Москвы в 1812 г. Несомненно, еще первооткрыватель текста А. И. Мусин-Пушкин и подготовившие первое издание 1800 г. археографы Н. Н. Бантыш-Каменский и А. Ф. Малиновский, а также Н. М. Карамзин, А. Н. Радищев, В. А. Жуковский, А. С. Пушкин, Н. В. Гоголь, Т. Г. Шевченко и другие писатели, в чьем творчестве отразилось «Слово о полку Игореве», не могли не задумываться об авторе этого произведения. Мнения разделились: одни отстаивали подлинность «Слова», другие — его поддельность, считая «Слово» мистификацией Мусина-Пушкина в духе «Песен Оссиана» Макферсона. В. Г. Белинский в статье «Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым...» (статья 3, 1841), давая детальнейший анализ «Слова», по этому поводу писал: «Что же касается до того, точно ли "Слово" принадлежит XII или XIII веку, и не поддельно ли оно — об этом странно и спрашивать: на подобные вопросы сама поэма лучше всего отвечает, и вольно же скептикам судить о ней по разным внешним соображениям, а не на основании самой поэмы» (Белинский, 1954: т. 5: 333). После открытия в середине XIX века «Задонщины» — памятника начала XV века, подражавшего «Слову», сомнения на некоторое время прекратились. Однако в конце XIX века французский славист Л. Леже, а в 1930-х годах французский славист А. Мазон стали утверждать, что не «Задонщина» написана в подражание «Слову», а «Слово» создано в конце XVIII века в подражание «Задонщине», список которой был якобы уничтожен фальсификаторами «Слова». Этим авторам достаточно убедительно возразили отечественные и зарубежные исследователи, которые провели тщательный текстологический анализ памятника. Так, они показали, что ряд темных мест в «Задонщине» объясняется непониманием ее автором аналогичных мест текста «Слова».

Делались многочисленные попытки определить имя автора «Слова». Так, академик Б. А. Рыбаков в книге «Русские летописцы и автор

“Слова о полку Игореве”» (Рыбаков, 1972) выдвинул гипотезу, согласно которой автором «Слова» мог быть киевский летописец Петр Бориславич. Большинство исследователей, напротив, ищет автора среди дружинников. Вот, например, его характеристика из книги А. В. Муравьева и А. Н. Сахарова «Очерки истории русской культуры IX–XVII вв.»: «Автор “Слова” был человеком образованным, с большим поэтическим даром, он хорошо знал прошлое и настоящее Русской земли, уклад княжеской жизни, военное дело. Все это наводит на мысль о его принадлежности к дружинной среде. Вполне возможно, что он был участником похода и писал свое “Слово” на Черниговщине» (Муравьев, Сахаров, 1984: 86).

Тем не менее, автор так до настоящего времени и не определен. В «Большом энциклопедическом словаре» читаем: «Соединив книжные и фольклорные традиции, неизвестный автор создал уникальное произведение лиро-эпического жанра; будучи христианином, он вместе с тем прибегает и к опоэтизированным языческим образам» (Большой энциклопедический словарь, 1998: 1111).

Но все же проблема авторства «Слова» шире, чем поиски конкретного автора произведения. Прежде чем говорить об авторе «Слова», важно определить и доказать само наличие автора. Здесь уместно упомянуть о работе А. А. Потебни «Слово о полку Игореве» (Потебня, 1914) и о работе В. П. Адриановой-Перетц «“Слово о полку Игореве” и устная народная поэзия» (Адрианова-Перетц, 1950), где высказано предположение о фольклорной природе памятника. Из этого предположения неизбежно вытекает отсутствие автора в тексте. «Слово» — это фольклор или литература? После работ В. Я. Проппа (Пропп, 1976) и М. М. Бахтина (Бахтин, 1975) принципиальные различия этих сфер художественного творчества не только очевидны (что показали до них еще немецкие романтики), но и поддаются достаточно точному научному анализу.

Одним из признаков авторского текста можно считать уникальность жанровой природы «Слова». В связи с жанровой характеристикой памятника отметим мнение О. В. Творогова, высказанное в академической «Истории русской литературы»: «Сложен вопрос о жанре “Слова”. Попытки объявить его былинной или ораторским словом, стремление отыскать в нем следы болгарской, византийской или скандинавской традиции и т. д. наталкиваются на отсутствие аналогий, надежных фактов, и прежде всего на поразительное своеобразие “Слова”, не допускающее безоговорочного отождествления его с той или иной жанровой категорией. Наиболее аргументированными являются гипотеза И. П. Еремина, рассматривающего “Слово” как памятник торжественного красноречия, и точка зрения А. Н. Робинсона и Д. С. Лихачева, которые сопоставляют “Слово” с жанром так называемых *chansons de geste* (букв. “песни о подвигах” <деяниях>). На сходство “Слова”, например, с “Песнью о Роланде” уже обращали внимание исследователи» (История русской литературы, 1980: т. 1: 81).

Как видим, харизматичность концепции Д. С. Лихачева (в соавторстве с А. Н. Робинсоном) уже признается как «наиболее аргументированная», при этом не замечается, что аргументы могут здесь поддержать разные позиции.

Но если учитывать фольклорную природу «Песни о Роланде» (см.: Луков Вл. А., 1980), то это сопоставление скорее подтверждает фольклорную природу «Слова», а тогда снимается проблема авторства, и следует говорить лишь о редакторе, фольклорном певце-импровизаторе. Так ли это? Как нам кажется, Д. С. Лихачев не обратил внимания на принципиальные расхождения «Песни о Роланде» и «Слова», в частности, их композиций.

Еще более заостряет проблему мелодика памятника. Музыковед Л. В. Кулаковский установил, что «слово» по своей форме близко к

народному песенному мелосу и ощутил наличие в памятнике «второго певца» (Кулаковский, 1977). В своей статье «Не рассчитано ли было “Слово” на двух исполнителей?» Д. С. Лихачев, разрабатывая идею Л. В. Кулаковского, утверждал, что «Слово о полку Игореве» написано как диалог двух певцов: один поет в стиле Бояна, а другой — в новом стиле. Вот как, по Лихачеву, выглядит этот диалог:

Первый певец:

«Не пристало ли нам, братья,
начать старыми словами печальные
повести о походе Игоревом,
Игоря Святославича».

Второй певец:

«Начать эту песнь надо, следуя
былям сего времени,
а не по замыслению Бояна».

Первый певец (настаивает на пении в духе Бояна):

Ибо Боян вещей, если кому хотел
песнь воспеть, то растекался
мыслию по древу, серым волком
по земле, серым орлом под облаками» — и т. д.

(Лихачев, 1985: 8)

Д. С. Лихачев напоминает при этом об известной работе акад. А. Н. Веселовского «Три главы из исторической поэтики» (Веселовский, 1940а), где говорится о способах фольклорного исполнения песни двумя певцами, а также приводит обширную цитату из работы М. И. Стеблин-Каменского «Древнескандинавская литература» (Стеблин-Каменский, 1979) об использовании пения на два певца в скандинавском фольклоре. Далее Д. С. Лихачев пишет: «Приведенная

цитата отнюдь не означает, что «Слово о полку Игореве» написано (я подчеркиваю — «написано») его автором по законам скандинавского или вообще какого-то нерусского принципа. Русский характер поэтики «Слова» доказывать не надо: «Слово» — памятник наполовину фольклорный и при этом явно русского фольклора» (Лихачев, 1985: 9). Но все же это наблюдение Д. С. Лихачева скорее в пользу фольклорной (безавторской) природы памятника. К сожалению, ученый не интерпретировал открытую им диалогичность как проявление авторской воли. И проблема авторства «Слова» так и остается проблемой, методологически не разрешенной, а поэтому очень перспективной.

Если доказывать, что текст «Слова» — авторский, а не фольклорный, то важно сопоставить «Слово» не с фольклорными текстами Западной Европы, а со средневековым куртуазным рыцарским романом, где впервые в эпосе средневековья появляется авторское начало, в частности, с романами Кретьена де Труа. Такое сопоставление дает возможность говорить о том, что в русской литературе автор появляется не позже, чем в европейской художественной светской литературе, и даже опережает в определенном отношении свои зарубежные аналоги. Первые авторы Запада — представители куртуазии — отказались от патриотической, общенациональной идеи, положив в основу произведения авантюру — соединение любви и фантастики, мотивируя подвиги рыцарей не защитой отечества и веры, как в фольклорном героическом эпосе (в том числе в «Песни о Роланде»), а стремлением к личной славе или служением даме сердца (обычно — жене сюзерена). Русский автор по-другому мотивирует поступки своих героев: это государственные интересы, объединение князей и осуждение эгоизма и жадности славы.

Иначе говоря, здесь харизматичность ученого и его теории несколько приостановили исследование, которое следовало бы дальше продвинуть. Середина 1980-х годов стала временем нового взрыва

интереса Д. С. Лихачева к «Слову о полку Игореве» (так, все три статьи об этом памятнике, включенные ученым в трехтомник своих произведений — «Размышления об авторе “Слова о полку Игореве”», «“Слово о полку Игореве” как художественное целое», «Предположение о диалогическом строении “Слова о полку Игореве”», — написаны в 1984 г. — см.: Лихачев, 1987а: т. 3: 165–220).

Другой пример харизмы как фактора концептуализации гуманитарного знания в деятельности Д. С. Лихачева — история формирования и продвижения концепции теоретической истории литературы. Материал к характеристике этой проблемы будет представлен в последующих главах и параграфах.

ГЛАВА II

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ: ГЕНЕЗИС, СУЩНОСТЬ И ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ СЛЕДСТВИЯ КОНЦЕПЦИИ Д. С. ЛИХАЧЕВА

§ 1. Научный контекст: состояние методологии литературоведения к 1970-м годам

1970-е годы можно назвать «золотым веком» методологии литературоведения. На Западе получил развитие структурализм, представители которого к началу периода плавно перешли на позиции постструктурализма (деконструктивизма, постмодернизма). В рамках марксистского литературоведения на смену социологическому методу (нередко выступавшему в виде вульгарно-социологического метода) пришли один за другим типологический, историко-функциональный, историко-генетический, системно-структурный, семиотический и ряд других методов. И на Западе, и в СССР самым широким признанием пользовался компаративистский метод, или сравнительно-исторический (старейший из методов, с отпечатком академизма).

Но столь бурное развитие методологических аспектов исследования имело особый источник: ощущение надвигающегося кризиса методологии, которая, стремясь к математически точной объективности (характерная черта эпохи покорения космоса и успехов точных наук), все дальше отстояла от конкретного материала литературы.

В пестрой методологической картине того времени наметились два очевидных полюса.

Первая линия представлена сохраняющими свое значение и нашедшими новую опору в постмодернизме идеями структурализма и раньше него сформировавшейся итальянской «герметической критике» (К. Бо, О. Макри и др.) и англо-американской «новой критике» (Т. С. Элиот, Д. К. Рэнсом, Р. П. Уэллек, О. Уоррен и др.), которые в 1930–1940-е годы сделали упор на интерпретацию текста как такового, пренебрегая историко-культурным контекстом и фигурой автора. Именно в этом ключе были истолкованы написанные многие десятилетия назад и в конце 1960-х годов открытые западными литературоведами работы М. М. Бахтина (имеются в виду прежде всего теоретические работы, изданные у нас в сб.: Бахтин, 1979; аналогичное переосмысливание в литературоведении можно обнаружить и по отношению к идеям текстологии, изложенным Д. С. Лихачевым, см.: Лихачев, 1983). В несколько компромиссной форме эта линия представлена в весьма активно развивающейся литературной герменевтике — совокупности направлений и методе исследований, сложившемся в XX в. сначала на Западе, а впоследствии в России и основанном на приоритете интерпретации литературного текста.

Предыстория самого типа исследования связана с деятельностью александрийской филологической школы (начало н. э.), богословской традицией истолкования Библии, множественностью интерпретаций текстов У. Шекспира в XVIII–XX вв. и др. Литературная герменевтика сформировалась на основе философской герменевтики (Ф. Д. Э. Шлейермахер, В. Дильтей, Х. Г. Гадамер) и использует, в частности, образцы анализа художественных текстов в их трудах. К видным представителям литературной герменевтики относятся Д. Б. Мэдисон, Г. Силверман, Й. Грондин (см.: Madison, 1988; Silverman, 1991; Grondin, 1994) и др.

Еще в 1960–1970-х годах позиции новейшей литературной герменевтики отчетливо были заявлены в трудах американского литературоведа Э. Д. Хирша «Достоверность интерпретации», «Три измерения герменевтики», «Цели интерпретации» (Hirsch, 1967, 1972, 1976). Определенная компромиссность, выводящая герменевтику за пределы рассматриваемого полюса в литературоведческих исследованиях, обнаруживается в том, что Хирш выступил против игнорирования фигуры автора в «новой критике», методологических концепциях структурализма, а затем и деконструктивизма, вступив в спор с Ж. Деррида.

Стремясь преодолеть проблему так называемого «герменевтического круга» (трудностей перехода к общему смыслу на основании исследования фрагментов текста и обратного движения от определенного исследователем общего смысла к интерпретации частей), Хирш предложил выделять в интерпретации три измерения — дескриптивное, нормативное, метафизическое.

Первое описывает различные значения исследуемого текста (как системы знаков), которые онтологически равны, ни одному из них нельзя отдать предпочтения.

Второе — результат этического выбора исследователя, когда какому-либо значению отдается предпочтение.

Третье — результат объективного исторического исследования текста, когда вскрывается его исходное значение (что, по Хиршу, вступающему здесь в спор с К. Ясперсом, достижимо благодаря наличию текста).

Таким образом, цель и содержание герменевтики в трактовке Хирша, до сих пор наиболее авторитетной (см.: Цурганова, 2004), — поиски первоначального значения текста (в категориях семиотики — денотата) при уравнивании всех коннотатов и этическом выборе наиболее актуального из них.

Противоположный полюс литературоведения составляет концепция теоретической истории литературы Д. С. Лихачева, изложенная им во введении к фундаментальному труду «Развитие русской литературы X–XVII веков: Эпохи и стили» (Лихачев, 1973; переиздание в сост. избранных работ: Лихачев, 1987е).

Поясняя отличие нового типа исследования, Д. С. Лихачев противопоставил его «традиционному» (эмпирическому, описательному) исследованию истории литературы: «...Изложение авторами своего понимания процесса развития или просто течения литературы соединяется в традиционных историях литератур с пересказом общеизвестного фактического материала, с сообщением элементарных сведений, касающихся авторов и их произведений. Такое соединение того и другого нужно в учебных целях, нужно в целях популяризации литературы и литературоведения, нужно для тех, кто хотел бы пополнить свои знания, понять авторов и произведения в исторической перспективе. Традиционные истории литературы необходимы и всегда останутся необходимыми» (Лихачев, 1987е: 24) — и далее: «Цель теоретической истории другая. У читателя предполагается некоторый необходимый уровень знаний, сведений и некоторая начитанность в древней русской литературе. Исследуется лишь характер процесса, его движущие силы, причины возникновения тех или иных явлений, особенности историко-литературного движения данной страны сравнительно с движением других литератур» (там же: 24–25).

У Лихачева, таким образом, персонализация истории литературы полностью исчезает — но исчезает из текста исследования, а не из головы исследователя и из головы столь же профессионального читателя. Этим концепция теоретической истории Лихачева заметно отличается от литературоведческих концепций, развившихся на основании системно-структурного подхода. Термин, закрепившийся в 1960-х годах, был ответом нашего литературоведения на бурный рас-

цвет структурализма на Западе. Его популярность началась в 1955 г., когда появились «Печальные тропики» Клода Леви-Стросса, давшие толчок интенсивному формированию «Парижской семиологической школы» (Р. Барт, А. Ж. Греймас, Ж. Женетт, Ц. Тодоров и др.), хотя истоки структурализма восходят к Ф. де Соссюру, а непосредственно в литературоведении — к русской формальной школе (см.: Scholes, 1974; Dosse, 1991).

Ю. М. Лотман и возглавлявшая им Тартуская (Тартусско-Московская) школа смогли в сложных условиях отстоять отечественный вариант структурализма, который и был обычно прикрываем (во избежание критики) термином «системно-структурный подход (метод)». Между тем, хотя основания для появления были сходными — стремление под натиском успехов естественно-научного знания, точных наук создать нечто подобное в области гуманитарного знания, которое тоже должно превратиться в «точную науку», — структурализм и то, что следовало бы называть «системно-структурным подходом», оказываются разными явлениями.

Квинтэссенцией западного варианта системно-структурного подхода можно считать положение Р. Уэллека из «Теории литературы» Р. Уэллека и О. Уоррена (Wellek, Warren, 1949), остающейся одной из главных теоретических работ западного литературоведения: «Перед литературной историей стоит... проблема: по возможности отказавшись от социальной истории, от биографий писателей и оценки отдельных работ, очертить историю литературы как вида искусства» (Уэллек, Уоррен, 1978: 271). На иных, даже противоположных основаниях, но в итоге сходная мысль прозвучала в 1963 г. в одной из самых знаменитых ранних структуралистских работ Р. Барта «О Расине» (написана в 1959–1960 гг., опублик. 1963): «Отсечь литературу от индивида! Болезненность операции, и даже ее парадоксальность — очевидны. Но только такой ценой можно создать

историю литературы; набравшись храбрости, уточним, что введенная в свои институциональные границы, история литературы окажется просто историей как таковой» (Барт, 1994с: 220).

Может показаться, что Д. С. Лихачев именно эту идею положил в основание своей теоретической истории литературы. Но это совершенно не так. Не говоря уже о том, что одной из основных составляющих его концепции является как раз социальная история, он ни в коей мере не отказывается «от биографий писателей и оценки отдельных работ», а лишь не помещает соответствующий материал в текст исследования, полагаясь на знания читателей, иначе говоря, для него это не методологический, а только методический принцип.

Между прочим, Р. Уэллек и О. Уоррен вовсе не так нечувствительны к биографиям писателей и анализу их произведений, как вытекает из приведенного тезиса. У первого из них, хотя и вышедшего из «Пражского лингвистического кружка» — одного из истоков структурализма, есть работы о персоналиях как из числа писателей (например, о Достоевском), так и из числа критиков (см., напр.: Wellek, 1981). У второго особо выделяются монографические работы об А. Поупе и Р. Крэшо (см.: Warren, 1929, 1939).

Речь все же нужно вести именно о принципе. Но в чем же эта принципиальная сущность системно-структурного подхода? Уэллек указывает, от чего нужно отказаться при построении истории литературы, но только намекает на позитивную часть программы, извлекая ее из аналогии с биологией: «Во главу угла здесь ставится не последовательность изменений как таковая, а ее цель» (Уэллек, Уоррен, 1978: 274), и отсюда делается вывод уже для собственно историко-литературного анализа: «Решение состоит в том, чтобы привести исторический процесс к оценке или норме» (там же).

Думается, значительно более определенно сформулировал сущность системно-структурного подхода А. Н. Иезуитов в очень

значимой для своего времени работе «Социалистический реализм в теоретическом освещении» (Иезуитов, 1975).

Мысль Иезуитова такова: создавая историю литературы, можно идти двумя путями. Первый — путь обобщений историко-литературных фактов. Второй — путь создания общей теории, априорной идеальной конструкции, в свете которой затем осуществляется рассмотрение всего фактического материала. Собственно, только второй путь, по Иезуитову, позволяет создать литературоведение как точную науку, потому что он обеспечивает системность представлений о литературе. Этот путь и избирает автор монографии.

Внешне кажется, что «теоретическая история» Д. С. Лихачева и концепция «теоретического освещения» А. Н. Иезуитова весьма схожи. Если обратиться к биографиям двух ученых, нельзя не заметить, что они работали в одном научном учреждении — Институте русской литературы (Пушкинском Доме) АН СССР, Д. С. Лихачев — с 1938 г., А. Н. Иезуитов — с 1959 г., хотя и принадлежали к разным поколениям (Д. С. Лихачев 1906 г. рожд., А. Н. Иезуитов 1931 г. рожд.).

Но на самом деле их концепции противоположны, и если Иезуитов избрал второй из названных им путей, то Лихачев, представитель первого пути, за два года до появления книги Иезуитова опубликовавший свой труд о теоретической истории литературы, очевидно, и был его мишенью, не названной оппонентом. Судя по тому, что работа Д. С. Лихачева, несмотря на его авторитет, не переиздавалась в СССР (но вышла на немецком языке в Берлине в 1977 г.), при этом А. Н. Иезуитов в 1981 г. возглавил сектор теоретических исследований ИРЛИ, а в 1983 г. — весь институт, можно догадаться, кто победил в этом споре, какая концепция была официально признана (еще одно подтверждение — последующее изменение в обеих биографиях: в 1987 г. А. Н. Иезуитов оставил оба поста, и в том же году работа Д. С. Лихачева, на год раньше удостоенного звания Героя Соци-

алистического Труда, была переиздана в составе его «Избранных работ»). Методологические вопросы истории литературы обычно существовали отдельно от самой истории литературы, что породило, с одной стороны, целый ряд довольно стройных теоретических построений, с другой — множество историко-литературных работ, вполне традиционных по своей методологии.

Значительное научное и культурное событие — принятие решения о создании многотомной «Истории всемирной литературы» большим количеством отечественных специалистов под эгидой ИМЛИ им. А. М. Горького — института в системе Академии наук СССР — совершенно изменило ситуацию: соединение методологии с огромным, всеохватывающим материалом реального развития мирового литературного процесса стало насущной потребностью филологического знания.

Работа заняла два десятилетия, наполненных спорами, обсуждением концепций томов издания.

Стало очевидно, что без новой методологии решить поставленную проблему невозможно. При этом ни сравнительно-исторический, ни системно-структурный, никакой другой из сложившихся или складывающихся научных методов не давал положительных результатов.

Именно в этой ситуации и для решения этой задачи был предложен типологический метод исследования.

Он позволял преодолеть основное ограничение компаративистики, изучающей контактные литературные взаимодействия, в то время как большую часть исторического времени литературы могли взаимодействовать лишь в рамках регионов.

Акад. Н. И. Конрад в ряде работ показал, что в литературах Востока в определенное время происходили те же или сходные процессы, что и в литературах Запада при отсутствии межрегиональных контактов (Конрад, 1959, 1961, 1972). Он вывел закономерность: «Реша-

ющее условие возникновения однотипных литератур — вступление разных народов на одну и ту же ступень общественно-исторического и культурного развития и близость форм, в которых это развитие проявляется» (Конрад, 1957: 303).

Эта концепция, позволявшая преодолеть как европоцентризм, так и азиациентризм, стала исходной для «Истории всемирной литературы». У нее нашлись сторонники, среди них выдающийся знаток индийской литературы и культуры акад. Е. П. Чельшев, о чем он впоследствии заявлял, например, во Введении к книге «Сопричастность красоте и духу», посвященной памяти Н. И. Конрада как учителя в связи со 100-летием со дня его рождения (Чельшев, 1991).

Типологический подход в более строгой форме, носящей явный отпечаток системно-структурного подхода, был сформулирован И. Г. Неупокоевой, фактически возглавившей коллектив авторов «Истории», в ее фундаментальном труде «История всемирной литературы: Проблемы системного и сравнительного анализа» (Неупокоева, 1976).

Отдельные успехи в применении типологического подхода на обширном материале (см.: Типология и взаимосвязи средневековых литератур Востока и Запада, 1974; Мелетинский, 1983) не привели к разрешению всех проблем. Из жизни ушли Н. И. Конрад, И. Н. Неупокоева, но ни одного тома «Истории всемирной литературы» так и не появилось.

Ситуация изменилась, только когда к руководству изданием пришел Ю. Б. Виппер, отказавшийся от жесткого проведения типологического подхода. Ему значительно ближе оказалась концепция теоретической истории Д. С. Лихачева, соединенная с мыслями Н. И. Конрада о неправомерности европоцентризма (азиациентризм был лишь теоретической опасностью, на практике не было ни соответствующих специалистов, ни научных разработок в этом ключе).

В короткий срок, за четыре года, были выпущены четыре тома «Истории всемирной литературы» (половина издания: История всемирной литературы, 1983–1994: т. 1–4 [1983–1987]), причем это лучшие тома.

Следовательно, в типологическом подходе, весьма плодотворном, имеется какой-то существенный изъян. Думается, он связан с системой используемых терминов и трактовкой их содержания.

Если в материале типологический подход позволял избежать европоцентризма, то в терминологии европоцентризм снова возвращался. Приходилось в литературах Востока искать свою античность, средние века, Возрождение и т. д., разыскивать в прозе Востока или других неевропейских регионов жанры, сопоставимые с европейским романом (никто же, например, не рассматривал европейскую эпиграмму как форму хокку).

Типологический подход еще более беспомощен перед лицом реального явления: изменения содержания одних и тех же терминов, применяемых для характеристики разных эпох или культур. Если допустить эти изменения, то сохранится ли типологическая системность в анализе мирового литературного процесса?

Эти недостатки позже проявились в «Истории всемирной литературы» начиная с 5-го тома, где типологический подход снова о себе заявляет (особенно после ухода из жизни Ю. Б. Виппера), но это не столь заметно, потому что речь идет о все большем сближении регионов мира, более коротких исторических этапах, материал становится более однородным, да и более изученным.

Последний, 9-й том не вышел. Это связано с глубокими социально-политическими изменениями, произошедшими в России, с тем, что материал тома — современная литература — требует полного переосмысления в свете смены идеологии, переоценки ценностей. Сказывается и атмосфера глубокого методологического кризиса в

области литературоведения, разворота в сторону методологий Запада, постмодернизма.

Отечественная филология, в свое время бывшая мировым лидером, вынуждена была догонять западную филологическую мысль, потому что своевременно не оценила идей М. М. Бахтина, некоторых других русских ученых, а ученые Запада ухватились за эти мысли и так удачно их развили, что филология в известном смысле потеснила философию в системе современной культуры.

Однако новые кумиры — Деррида, Барт, Фуко, Делез, Кристева, выведя филологию на уровень философствования, три-четыре последних десятилетия все в большей мере утрачивали интерес к филологической специфике. Очень показательна в этом отношении эволюция Ролана Барта (о Барте см.: Lavers, 1982; Roger, 1986; Calvet, 1990) от его ранних работ (см. в сб.: Барт, 1994b) к наиболее значительной поздней книге «S/Z» (1970; рус. пер. — Барт, 1994).

Один из самых признанных ученых этого ряда Жерар Женетт, напротив, верен филологической проблематике и методам исследования (подробно изучено в диссертации: Дремов, 2005). Его «Фигуры» (Genette, 1966, 1969, 1972, рус. пер. — Женетт, 1998), остаются самым популярным и авторитетным его сочинением такого рода.

Остановимся на этом исследователе в свете проблемы создания истории мировой литературы. Но для большей ясности процитируем М. А. Дремова применительно к последующим работам Женетта, которые мы не рассматриваем: «Спустя почти тридцать лет Женетт вернется к этому названию и издаст “Фигуры IV” (1999) и “Фигуры V” (2002). Однако эти книги относятся к совсем другой эпохе. В них исследуются общие проблемы эстетики, и литература далеко не главный их герой. Кроме того, они содержат в себе чисто художественные элементы в форме литературной и научной пародии, а также автобиографию (все это позволяет сближать общую эволюцию

Женетта и Барта)» (Дремов, 2005: 63). Сама мысль о Женетте как историке литературы выглядит экстравагантной. Собственно, никакой связанной истории литературы у Женетта нет. Его интересует не литературный процесс, а лишь некоторые его феномены. Если расположить эти феномены в хронологическом порядке, становится ясно, какие же «сильные позиции» в литературном развитии выделяет французский автор: это литература барокко, французский роман (прежде всего реалистический роман XIX века), модернизм (литература рубежа XIX–XX веков и собственно XX века).

Женетт выстраивает историю литературы как подготовку к появлению романа М. Пруста «В поисках утраченного времени», после которого литература, исчерпавшая себя, может только повторять по частям то, что универсально представлено в прустовском шедевре, или уходить в экспериментирование. В этом случае «В поисках утраченного времени» как своеобразный «палимпсест», содержащий в качестве слоев все предшествовавшие ему тексты (в том числе литературу барокко, романы Стендаля, Бальзака, Флобера, которым посвящены исследования Женетта), оказывается не модернистским, а постмодернистским романом.

Очевидно, Женетт создает постмодернистскую историю литературы, осуществляя деконструкцию традиционных историко-литературных воззрений.

Женетт, в сущности, подходит к той же мысли, которую высказал в 1973 г. (то есть на год позже «Фигур III», но зато в абсолютно четкой и недвусмысленной форме) Д. С. Лихачев: необходимо создать не эмпирическую, а теоретическую историю литературы. Сама по себе эта идея плодотворна, но таит подводные рифы. Для Женетта стержнем истории литературы стало выделение только тех качеств, которые обеспечивают автономность, «литературность» литературы, а именно: пространство (своего рода «среда»), фигуры (как микро-

композиция текста), повествование (или нарративность). Представляется, что это довольно «бедная» теория.

Сам Женетт, очевидно, не удовлетворен своей теорией, отсюда незаметные, но вскрываемые анализом противоречия в его работах. Так, в ряде случаев Женетту приходится выходить за рамки своей теории «литературности» литературы и обращаться к биографии писателя (Стендаль), его теоретическим воззрениям (Валери), культурно-историческому контексту (классицизм) и даже к психоанализу (Пруст).

Но есть и более существенное противоречие: Женетт отрицает эволюционность развития литературы, но выстраивает ее историю как движение к роману Пруста, то есть именно как историю эволюционную.

Тем не менее, в литературоведении постмодернизма можно встретить весьма ценные труды об отдельных писателях, в которых не в общетеоретическом, а практическом плане представлен материал, в сущности раскрывающий важные аспекты моделирования литературы по персональным образцам.

Примером может служить появившаяся в 1982 г. основательная работа швейцарского литературоведа Ж. Старобинского «Монтень в движении» (Starobinski, 1982; Старобинский, 2002; интерес представляют и другие его работы: Starobinski, 1953, 1958, 1989, 1991). Очень существенны в работе о Монтене глава 3 («Отношение к другим», Старобинский, 2002: 108–161), глава 5 («Высказать любовь», там же: 212–243), глава 7 («Что касается “общественной деятельности”»), там же: 278–348).

Чем же все-таки объяснить немногочисленность разработок персоналий в постмодернистской филологии?

Один из наиболее убедительных ответов на этот вопрос таков: постмодернисты перенесли некоторые качества произведений массовой культуры на художественную культуру в целом

(см.: Луков М. В., 2006: 47). Очевидно, на этой основе была сформулирована идея интертекстуальности (термин Ю. Кристевой, которая абсолютизировала мысли М. М. Бахтина о диалоге культур, при этом переводя их на уровень текстов — см.: Kristeva, 1967, 1970).

Особенно ярко эта тенденция обнаруживается в статье Р. Барта «Смерть автора» (1968). Статья вышла в журнале «Мантейя» и после смерти Барта включалась в самые представительные собрания его работ (см.: Barthes, 1984; Барт, 1994d). Он настаивал на том, что эпоха авторской литературы прошла, после Малларме, Пруста, сюрреалистов лицо литературы изменилось: «Удаление Автора (...) — это не просто исторический факт или эффект письма: им до основания преобразуется весь современный текст, или, что то же самое, ныне текст создается и читается таким образом, что автор на всех уровнях его устраняется» (Барт, 1994d: 387). В настоящее время «текст сложен из множества разных видов письма, происходящих из различных культур и вступающих друг с другом в отношения диалога, пародии, спора, однако вся эта множественность фокусируется в определенной точке, которой является не автор, а читатель. Читатель — это то пространство, где запечатлеваются все до единой цитаты, из которых слагается письмо; текст обретает единство не в происхождении своем, а в предназначении, только предназначение это не личный адрес; читатель — это человек без истории, без биографии, без психологии, он всего лишь некто, сводящий воедино все штрихи, что образуют письменный текст» (там же: 390).

Статья завершается фразой: «Теперь мы знаем: чтобы обеспечить письму будущее, нужно опрокинуть миф о нем — рождение читателя приходится оплачивать смертью Автора» (там же: 391).

В этой связи известный культуролог Т. Ф. Кузнецова высказывает следующее соображение: «Нетрудно заметить, что постмодернисты приписывают всей литературе (Ю. Кристева) или, по крайней мере,

всей литературе XX века (Р. Барт) свойства “массовой литературы”: вторичность и определяющую роль читателя» (Кузнецова, 2004: 257).

Естественно, такой подход не способствует формированию истории литературы как научной дисциплины.

Концепция Д. С. Лихачева, определенная им как «теоретическая история литературы», напротив, содержит в себе необходимые положения, на основе которых такая дисциплина может быть создана.

§ 2. Основные положения концепции Д. С. Лихачева и формирование истории литературы как самостоятельной отрасли знаний со своей собственной теорией

Основные положения концепции теоретической истории литературы были наиболее последовательно и емко изложены во Введении к его работе «Развитие русской литературы X–XVII веков: Эпохи и стили» (Лихачев, 1973), переизданной в трехтомнике 1987 г. (Лихачев, 1987е). Некоторые идеи из этой работы были уже рассмотрены выше. С учетом этого проанализируем текст Введения с целью выявить систему представлений Д. С. Лихачева, образующих контуры его концепции теоретической истории литературы.

Начинается Введение с указания на задачи, которые ставит перед собой ученый: «В данной работе я стремлюсь дать некоторые обобщения для построения будущей теоретической истории русской литературы X–XVII вв.» (там же: 24). Следовательно, сама работа не претендовала на теоретическую историю древнерусской литературы, в ней не следует прямолинейно искать примера реализации теоретической концепции Д. С. Лихачева.

Объясняя термин «теоретическая история», Д. С. Лихачев писал: «Само собой разумеется, что не может быть истории литературы без теоретических обобщений. Даже само отсутствие обобщений есть в каком-то отношении обобщение — выражение своего отношения к литературному процессу. Обобщением являются и периодизация, и расположение материала по главам, и отнесение произведений к тому или иному периоду или жанру, и последовательность расположения материала, и самый отбор материала (авторов, произведений и пр.), и многое другое, без чего невозможны любые курсы, учебники и истории литератур. Однако изложение авторами своего понимания процесса развития или просто течения литературы соединяется в традиционных историях литератур с пересказом общеизвестного фактического материала, с сообщением элементарных сведений, касающихся авторов и их произведений. Такое соединение того и другого нужно в учебных целях, нужно в целях популяризации литературы и литературоведения, нужно для тех, кто хотел бы пополнить свои знания, понять авторов и произведения в исторической перспективе. Традиционные истории литературы необходимы и всегда останутся необходимыми» (там же). И далее: «Цель теоретической истории другая. У читателя предполагается некоторый необходимый минимум знаний, сведений и некоторая начитанность в древней русской литературе. Исследуется лишь характер процесса, его движущие силы, причины возникновения тех или иных явлений, особенности историко-литературного движения данной страны сравнительно с движением других литератур» (там же: 24–25).

В чем видел Д. С. Лихачев недостатки традиционных историй древнерусской литературы? Он писал: «Все семь веков древней русской литературы долгое время представлялись в слабо расчлененном виде. Хронология многих произведений не была установлена, особенности отдельных периодов не были выявлены. Поэтому очень часто

древнерусские литературные произведения охотнее рассматривались в общих курсах древней русской литературы по жанрам, чем в хронологическом порядке» (там же: 25). Таким образом, рассмотрение произведений древнерусской литературы по жанрам принципиально не устраивало ученого, он настаивал на «решительном переходе к историческому рассмотрению древней русской литературы», который «стал возможен тогда, когда успехи в изучении истории русского летописания позволили уточнить не только датировки летописей и летописных сводов, но и хронологию заключенных в них многих и многих литературных произведений» (там же).

Отсюда вытекает основное требование теоретической истории литературы: она основана на выверенной хронологии, а не на каких-либо других особенностях, аспектах, структурах литературы, например, на жанровом основании. Ниже Д. С. Лихачев разовьет свои мысли в жанровой области, и станет ясно, что он не против жанрового анализа памятников, но он сторонник изучения не отдельных жанров, а систем жанров, которые складываются в определенные периоды. Он указывает: «...В средние века движение вперед совершается в недрах каждого жанра в отдельности. Жанр житий развивается и вместе, и отдельно от жанра летописей, жанры ораторских произведений развиваются и вместе, и отдельно от житий и т. д. Поэтому одни жанры опережают развитие других, имеют в своем развитии индивидуальные отличия от других» (там же: 29). Следовательно, и в ходе жанровой характеристики определяющим остается хронологический принцип.

Д. С. Лихачев применительно к работам В. П. Адриановой-Перетц, широко включившей в историю русской литературы XI–XVII веков русское летописание (История русской литературы, 1940–1948: т. 1–), и их своеобразному предварительному конспекту в первом томе учебника по истории русской литературы под общей

редакцией В. А. Десницкого (История русской литературы, 1941: т. 1) называет этот принцип не хронологическим, а историческим. Это уточнение принципиально.

В чем разница? В этой оппозиции хронология выступает просто как последовательность дат. Более того, ниже у Лихачева дана очень значимая характеристика, отрицающая простое воспроизведение в литературной истории этой последовательности: «...Исследуя процесс, нельзя слепо следовать этому процессу и располагать весь материал в строго хронологическом порядке. Иногда корни нового явления уходят глубоко в прошлое, и тогда исследователь должен возвращаться назад. Гораздо чаще явление, ярко проявившееся в определенное время, в дальнейшем остается, как бы “застревает” в литературе и продолжает в ней жить и претерпевать различные изменения. Это связано с тем, что история культуры есть не только история изменений, но и история накопления ценностей, остающихся живыми и действенными» (Лихачев, 1987е: 26).

В отличие от хронологии (или хронологического принципа) исторический принцип ставит вопрос «об историческом смысле отдельных эпох в истории русской литературы X–XVII вв.» (там же: 25), да и, естественно, в истории любых других литератур, мировой литературы в целом. Таким образом, исторический принцип, по Д. С. Лихачеву, прежде всего проявляется в подходе к периодизации литературного процесса, научном обосновании этой периодизации.

Но ученого интересуют не небольшие периоды, а эпохи, ибо он отмечает некий парадокс: «Как это ни странно, в истории русской литературы XI–XVII вв. яснее предстают перед нами отличия друг от друга мелких периодов, чем своеобразие и значение целых эпох» (там же). Он утверждает: «Подходы к определению изменений в пределах десятилетий и в пределах нескольких веков принципиально различны. В первом случае на передний план выступает зависимость

историко-литературных изменений от исторических событий, во втором — зависимость литературы от особенностей исторического развития в целом. Для определения первых различий необходимо наблюдение над единичными явлениями литературы, для определения вторых — широкие обобщения огромного материала и суммирование их в характеристиках эпох, основанных в значительной мере на чувстве стиля — стиля эпохи. Как бы ни были трудны определения эпох сравнительно с определением коротких периодов, их необходимо сделать даже и для того, чтобы выяснить исторический смысл изменений на коротких дистанциях» (там же: 26).

Здесь становится понятен смысл отказа ученого от обширного эмпирического материала, от характеристики писателей и их произведений при построении теоретической истории литературы: эмпирический материал проявляет особенности «мелких периодов», но затемняет анализ «литературы как некоего макрообъекта» (там же: 27).

Хотя методика такого анализа — «дело будущего» (там же), она возникнет, когда возникнет новая наука, подобная статистической физике: «Подобно статистической физике, теоретическое, “статистическое литературоведение” будущего должно решать задачу макрохарактеристики, минуя слишком детальные описания» (там же), но общая постановка вопроса возможна уже и сейчас, прежде всего возможно определение цели теоретической истории литературы: «История литературы, которая должна описать эпохи и периоды, имеет дело с миллионами фактов и явлений. Она обращается не к микрообъектам, а к целым ансамблям микрообъектов. Изучение истории отдельных микрообъектов и макрообъектов — различно» (там же). Отсюда вытекает методическая задача: «В теоретической истории литературы должна быть выработана методика “приближенных описаний”». И далее: «Литература каждого периода — это

система отдельных произведений с сильным взаимодействием и с сильным воздействием традиции. Это делает изучение ее как целого особенно сложной» (там же).

Итак, теоретическая история литературы — это история развития литературы как макрообъекта, выяснение наиболее общих закономерностей этого развития. При этом, считает Д. С. Лихачев, нужно учитывать, что «своеобразны не только результаты развития, но и самые “законы развития”, они также развиваются и меняются по мере изменения самой действительности. Нет “вечных” правил и законов, по которым развитие совершается» (там же: 29). Тем самым Д. С. Лихачев приближается к формулировке важного положения историко-теоретического подхода, развившегося несколько позже, об изменяемости содержания научных терминов, научного аппарата, формулировок, применяемым к разным этапам развития литературного процесса.

Из отсутствия «вечных законов» Д. С. Лихачев выводит вторую после макропериодизации задачу теоретической истории литературы: «Только изучая движение литературы, мы можем понять и ее национальное своеобразие». И далее: «Национальное своеобразие литературы состоит не только в неких постоянных признаках содержания и формы, отличающих ее от других национальных литератур, в неких неизменных идеях, настроениях, эмоциональном строе или моральных качествах, сопутствующих всем произведениям этой литературы» (там же).

Отсюда вытекает более широкая, чем было принято, трактовка национального характера: «Национальный характер — это и особенности исторического пути литературы, особенности ее развивающегося взаимоотношения с действительностью, особенности меняющегося положения литературы в обществе — ее общественной “позиции” и той роли, которую она играет в жизни обществ. Следовательно, для

определения национального своеобразия литературы важны не только постоянные, неизменяемые моменты, ее общая характеристика как единого целого, но и самый характер развития, характер отношений, в которые вступает литература,— не только черты, присущие литературе как таковой, но и положение ее в культуре страны, ее взаимоотношение со всеми другими сферами человеческой деятельности. Отличительные особенности исторического пути литературы многое объясняют в ее национальном своеобразии и сами являются частью этого своеобразия» (там же: 29–30).

Далее следует весьма существенное разъяснение: «Обычно черты национального своеобразия служат оценивающими и “взвешивающими” литературу моментами. Но, выявляя происхождение и объясняя черты своеобразий, мы не можем уже подвергать их отвлеченной оценке. Всякая черта имеет точный смысл в своем происхождении и в своей функции, а потому не может служить материалом для абстрактного, отвлеченного суждения о достоинстве литературы. Детерминированность этих черт исключает их из сферы общих оценок и отвлеченного морализирования. Конкретные научные оценки в истории литературы невозможны там, где недостаточно выявлены происхождение, обусловленность и функции фактов, их связь с остальным миром, где в той или иной мере предполагается индетерминированность, где факты абсолютизируются и изымаются из исторического процесса и исторического объяснения» (там же: 30).

Отсюда вытекает, что важной задачей исследования, проведенного в ключе теоретической истории литературы, становится выяснение происхождения, обусловленности, функций фактов и культурного контекста, в котором они предстают (контекста мирового), в противовес простой констатации фактов. Это третье положение концепции исторической теории литературы.

Во Введении большое место уделено изложению концепции акад. Н. И. Конрада, представленной в книге «Запад и Восток» и других его работах (Конрад, 1966, 1967, 1972). Впоследствии его взгляды составили основу типологического подхода в отечественном литературоведении. В отличие от сравнительно-исторического подхода, в ходе типологического исследования не требовалось искать контактные связи между сходными явлениями, сходство (а также различие) литературных явлений объяснялось сходством (различием) исторических условий, ситуаций. Н. И. Конрад настаивал на выделении китайского Возрождения по аналогии с европейским, обнаруживая сходную ситуацию: возобновление и на Западе, и на Востоке интереса к литературе древности.

Но это понимается как частный случай более общего процесса. Д. С. Лихачев так излагает концепцию Н. И. Конрада: «Согласно этой концепции, прочно связавшей развитие мировой культуры с учением о смене исторических формаций, народы, полностью прошедшие через этапы рабовладельческой формации и феодализма, имели культуру своей античности, относящуюся к рабовладельческому периоду, культуру своего средневековья, связанную с феодализмом, и эпоху Возрождения, возникшую с появлением в феодальную эпоху первых ростков капитализма. Появление культур античности, средневековья и Возрождения является, таким образом, не исторической случайностью, а исторической закономерностью, явлением “нормального” развития народов. Существенно, что каждый из этих этапов культурного развития имеет свои крупные культурные завоевания, и нет никаких оснований неравно расценивать их, принижать одни и выдвигать значение других. Отнесение тех или иных эпох к Возрождению не является актом их оценки» (Лихачев, 1987е: 30–31).

Д. С. Лихачев, развивая идеи Н. И. Конрада, начал искать Возрождение в древнерусской литературе, и не найдя его, вынужден

был подчеркнуть некоторые не вполне убедительные положения Н. И. Конрада (Возрождение появляется только там, где была эпоха рабовладения) и сосредоточить внимание на Предвозрождении. Собственно, Д. С. Лихачев и стал вместе с А. Ф. Лосевым, через пять лет опубликовавшим свою «Эстетику Возрождения» (Лосев, 1978; разделы о Проторенессансе и подготовке Ренессанса — с. 143–235), основным разработчиком теории Предвозрождения, тогда мало кем поддерживаемой в среде литературоведов.

Русское Возрождение получает у Д. С. Лихачева следующее истолкование: «Неудачей эпохи Возрождения в русской литературе не были сняты самые проблемы Возрождения. Они должны были быть все равно решены и решались в русской литературе — медленнее, но упорнее, мучительнее и потому в более острой форме, длительнее, а потому разнообразнее и глубже. Проблема Возрождения оказалась актуальной для русской литературы на протяжении нескольких веков, а тема ценности человеческой личности и гуманизма — темой типично национальной и общественно ценной для всего ее сложного и многотрудного пути (Лихачев, 1987e: 35).

Ученый не фиксирует существенное расхождение с акад. Н. И. Конрадом, но в затушеванном виде оно присутствует во Введении. Когда он пишет: «Русская литература — часть русской истории. Она отражает русскую действительность, но и составляет одну из ее важнейших сторон. Без русской литературы невозможно представить себе русскую историю и, уж конечно, русскую культуру»; и далее: «И вот на что следует при этом обратить особое внимание. Человеческая история едина. Путь каждого народа “в своем идеале” сходен с путями других народов. Он подчинен общим законам развития человеческого общества. Это положение — одно из самых существенных завоеваний марксизма» (там же: 30), он совершает колебания между двумя полюсами, на одном из которых — мысль

о первенстве истории (то есть внеэстетических моментов) в объяснении литературного процесса, на другом — мысль о первенстве литературы в характеристике культуры и истории в целом. Первый полюс вытекает из концепции Н. И. Конрада, именно поэтому далее называется его имя и дается развернутая характеристика его теории (там же: 30–33). Однако в самом начале изложения концепции теоретической истории литературы, критикуя своих предшественников по литературоведческому цеху, которые, утопая в деталях, в конкретике, могли охарактеризовать лишь этапы длиной в десятилетие, в крайнем случае в полстолетие, а «смысл литературных явлений, присущих более крупным периодам, выявлен гораздо менее отчетливо, и значение этих периодов не уточнено» (там же: 26), Д. С. Лихачев отмечал главный недостаток этой позиции: «Не случайно, что в отношении их приняты обычно не литературные характеристики, а чисто исторические» (там же).

Противоречие весьма значительное. Поэтому, с одной стороны, Д. С. Лихачев определяет одной из главных задач своей книги рассмотрение в свете общей теории Н. И. Конрада частной проблемы — построения теоретической истории Возрождения в древнерусской литературе: «Н. И. Конрад поставил вопрос “о формах и уровнях эпохи Возрождения в отдельных странах” [Конрад Н. И. Об эпохе Возрождения. С. 45. (Примеч. Д. С. Лихачева)], о типологических сходствах и различиях отдельных Возрождений, о положении каждого из Возрождений в мировом историческом процессе. Одна из самых важных задач этой книги — посильная попытка ответить на этот вопрос для России, которой Возрождение только готовилось, но в силу ряда обстоятельств не осуществилось, приобретя длительный “разлитой” характер, перенеся часть из своих проблем в литературу нового времени — XVIII века, в частности. Итак, изучая и выявляя своеобразие русской литературы на всем пути ее развития,

необходимо не только сравнивать ее с другими литературами, но и учитывать существование “нормального” исторического развития стран и народов» (там же: 33).

Но тут же, уже в следующем абзаце Д. С. Лихачев противопоставляет «историческому полюсу» (концепции Н. И. Конрада) свое представление об «эстетическом полюсе»: «Для характеристики эпохи имеет огромное значение характеристика господствующего в эту эпоху стиля. Я понимаю под господствующим стилем не только стиль языка, стиль в узколитературном или языковом смысле, но и стиль в широком искусствоведческом смысле этого слова. Когда мы говорим о “стиле эпохи“, то понятие это включает в себя как входящее и подчиненное явление также и стиль литературный; литературный же стиль имеет не только в своем составе стиль языка литературы, но и весь стиль отражения мира: стиль описания человека, понимания его внутренних и внешних свойств, его поведения, стиль отношения к общественным явлениям — их видения и близкого этому видению отражения в литературе действительности, стиль понимания природы и отношения к природе» (там же).

Впрочем, если признать стиль (хотя бы и эпохи) решающей категорией теоретической истории литературы, произойдет перенесение тяжести от макрообъектов к исследованию микрообъектов, концепция перестанет быть оригинальной и сольется с уже существующими историями литературы. Поэтому Д. С. Лихачев добавляет: «Но характеристика стиля в широком смысле этого слова требует особых средств искусствоведческого описания, не вяжущихся с типом рассуждений и изложения, принятого в данной книге. Это особая задача. Попытки ее разрешения сделаны мною в другой работе — “Человек в литературе древней Руси” [Лихачев Д. С. Человек в литературе древней Руси. М.; Л., 1958. Изд. 2-е. М., 1970. (Примеч. Д. С. Лихачева)]. К этой книге я и отсылаю читателя» (там же).

Итак, можно сделать некоторые выводы о концепции теоретической истории литературы Д. С. Лихачева в целом.

Во-первых, теоретическая история литературы — это макрохарактеристика литературного процесса, задачей которой является определение основных, крупных этапов развития литературы на основе исторического принципа, предполагающего как следование хронологии, так и отступление от нее, если этого требует содержательный анализ, выявление как «вечных законов», так и «анти-законов», закономерностей и случайностей развития литературы.

Во-вторых, теоретическая история литературы решает задачу выявления национальной специфики исследуемой литературы в ансамбле родственных литератур. Применительно к русской литературе Д. С. Лихачев указывал во Введении: «Перед советским литературоведением стоит ответственная задача — создание теоретической истории русской литературы X–XVII вв., тесно связанной с историко-литературным развитием других стран, и в первую очередь славянских. Только создание общей истории славянских литератур их древнейшего периода способно определить отличия в характере и в развитии каждой из славянских литератур. Задача создания такой теоретической истории не может быть решена, если факты сходства и различия в развитии литератур будут рассматриваться в отрыве от истории культур отдельных народов и от их истории в целом. [Само собой разумеется, что создание синтетической и теоретической общей истории древнеславянских литератур не означает игнорирования национальных особенностей развития каждой литературы в отдельности. Напротив! Различия только и могут быть до конца выявлены, если они близко сопоставлены в рамках истории литературы. (Примеч. Д. С. Лихачева).] Широкий исторический подход, учитывающий все изменения в жизни народов, совершенно необходим в такого рода истории литературы. Данное исследование в известной

мере стремится подготовить материал для создания теоретической истории русской литературы X–XVII вв., основанной на учете одновременных явлений в других славянских странах, хотя построение такой теоретической истории и не входит в непосредственную задачу этой работы» (там же: 34).

В-третьих, теоретическая история литературы имеет дело с категориями макроанализа (развитие жанра в рамках функционирования и смены системы жанров; направление в литературе в соответствии с функциональным принципом в старых литературах, художественным методом — в литературах Нового времени; стиль эпохи, например в древнерусской литературе стиль монументального историзма для характеристики литературы X–XIII веков — там же: 26); анализ творчества отдельного автора или произведения в категориях литературоведческого микроанализа присутствует имплицитно, так как теоретическую историю литературы пишет эксперт, научный багаж которого состоит из подобного рода конкретных сведений о литературе, читателем же выступает точно такой же эксперт, знающий примерно тот же материал. Поясним, что Д. С. Лихачев использовал понятие «метод» как для характеристики средневековой литературы, так и для анализа творчества писателя Нового времени («художественный метод»). Он писал: «Художественный метод нового времени, при котором автор стремится к наглядности, конкретности и к индивидуальному, требует обновления художественных средств, их “индивидуализации”. Абстрагирующий же метод средневековья, стремящийся извлечь общее, убрать индивидуальное и конкретное, не требует обновления и довольствуется общим, бывшим всегда» (там же: 28–29).

Дополнительно следует отметить, что специальное внимание в концепции Д. С. Лихачева уделено «сложению литератур» и восполнению литературного процесса за счет продвинутых литератур других народов (как правило, близких): «Единство мирового разви-

тия культуры выражается, в частности, в том, что народы в случае пропуска у себя того или иного “закономерного” этапа развития культуры могут ускоренно проходить свое развитие, используя опыт соседних народов. При этом, как пишет Н. И. Конрад, имеет место “как бы “равнение” отстающих (культур.— Д. Л.) на передовые, а не механическое перенесение общественных форм передового государства в отстающее” [Конрад Н. И. Запад и Восток. М., 1966. С. 35; Изд. 2-е. М., 1972. С. 31. (Примеч. Д. С. Лихачева)]» (там же: 32). Ссылка на Н. И. Конрада склоняет пассаж к «историческому полюсу», но собственная формулировка скорее позволяет дать эстетическое толкование феномена взаимообмена художественной информацией у разных народов, в том числе и в такой форме, которую мы определили термином «взаимоотражение». На базе приведенного положения Д. С. Лихачева может быть построена модель литературного процесса, основанная на литературных концентраторах влияния.

Во Введении подчеркнуто, что его монография не является в полном смысле теоретической историей древнерусской литературы, а «данное исследование в известной мере стремится подготовить материал для создания теоретической истории русской литературы X–XVII вв., основанной на учете одновременных явлений в других славянских странах...» (там же: 34).

Ни в одной из последующих работ Д. С. Лихачева этот замысел не был осуществлен. Следовательно, в его концепции были некие лакуны, мешавшие успеху исследования.

По другим работам можно достроить некоторые не учтенные во Введении детали концепции. Так, в 1970 г. в статье «Сюжетное повествование в памятниках, стоявших вне жанровых систем XI–XIII вв.» Д. С. Лихачев делает весьма ценное замечание: «...В каждом литературном и фольклорном произведении как бы существует свой мир со своими свойствами. В этом мире может быть свое про-

странство, большое или маленькое, соотнесенное с реальным или чисто условное. В нем есть и свое время. В нем существует своя степень быстроты действия лиц. События могут происходить легко или затрудненно. Даже обычные физических усилия действующих лиц могут встречать большее или меньшее сопротивление окружающей, физической же среды. В зависимости именно от силы этого сопротивления так или иначе разворачиваются события или совершаются действия. От этого авторского представления о мире зависят темпы, охват событиями пространства, быстрота передвижения, быстрота реакций действующих лиц на действия внешней среды, даже бóльшая или меньшая насыщенность событиями произведения и многое другое» (Лихачев, 1970: 200). Относить ли проблемы художественного мира произведения к литературному микроанализу? Думается, что если художественный мир, структуру которого так точно выразил в этой статье Д. С. Лихачев, выступает как общелитературная модель, то исследователь, создающий теоретическую историю литературы, не может пройти мимо такого объекта исследования. Здесь можно сослаться на мнение В. Г. Белинского: «Искусство есть воспроизведение действительности, повторенный, как бы вновь созданный мир: может ли оно быть какою-то одинокою, изолированную от всех чуждых ему влияний деятельностью? Может ли поэт не отразиться в своем произведении как человек, как характер, как натура, — словом, как личность! (...) Дух народа и времени на него не могут действовать менее, чем на других» (Белинский, 1956: 305). На примере Шекспира, В. Скотта, Мильтона Белинский показывает эту связь художественного мира, личности писателя, истории как взаимозависимых величин, поднимаясь от микроанализа к макроанализу литературы.

Есть и другие упущения, нередко так же восстанавливаемые по другим работам Д. С. Лихачева.

Но вместе с тем концепция, изложенная во Введении к монографии «Развитие русской литературы X–XVII веков: Эпохи и стили», сыграла выдающуюся роль в формировании истории литературы как самостоятельной отрасли знаний со своей собственной теорией, оказала значительное влияние на формирование двух научных методов, выделившихся в отечественной литературоведческой методологии на рубеже XX–XXI веков, — историко-теоретического и тезаурусного.

Думается, именно эти новые подходы создали базу, позволяющую реализовать идею Д. С. Лихачева о создании теоретической истории литературы.

В результате изучения трудов ученого о теоретической истории литературы можно сделать обобщающий вывод: объектом теоретической истории литературы в том виде, как ее понимал Д. С. Лихачев (Лихачев, 1973), несомненно является мировой литературный процесс.

Понятие мирового литературного процесса формировалось в течение всего XX века и постепенно было признано учеными самых различных методологий и научных школ. Литературный процесс, как он трактуется сегодня, — это «совокупность общезначимых изменений в литературной жизни (как в творчестве писателей, так и в литературном сознании общества, т. е. динамика литературы в большом историческом времени)» (Хализев, 2001а: 467).

Термин «литературный процесс» появился в конце 1920-х годов для характеристики исторического существования, функционирования и эволюции литературы как целостности, воспринимаемой в контексте культуры: «Литературный процесс есть неотторжимая часть культурного процесса» (М. М. Бахтин). Разработке представления о литературном процессе посвящено большое количество работ видных литературоведов (см.: Благой, 1972; Конрад, 1972; Историко-литературный процесс, 1974; Жирмунский, 1979; Аверинцев, 1981;

Поспелов, 1988; Гачев, 1989; Лотман, 1992; Историческая поэтика, 1994; и др.). В ключе размышлений о литературном процессе в своих статьях 1920-х годов Ю. Н. Тынянов говорил о «литературной эволюции» (Тынянов, 1977b), «литературном факте» (Тынянов, 1977a). Позже появилось представление о топики: «В составе литературной жизни различимы явления локальные и временные — с одной стороны, с другой же — структуры надвременные и статичные (константы), нередко именуемые топикой» (Хализев, 2001a: 467). Разъяснение этого понятия дал А. М. Панченко: литература «располагает запасом устойчивых форм, которые актуальны на всем ее протяжении», а потому правомерен и насущен взгляд на него «как на эволюционирующую топику» (Панченко, 1986: 240, 236, дается в изложении по: Хализев, 2001a: 467–468).

Это положение вполне мог разделять Д. С. Лихачев, сотрудничавший с А. М. Панченко в ИРЛИ (Пушкинском доме) и написавший с ним ряд работ (Лихачев, Панченко, 1976; Лихачев, Панченко, Поньрко, 1984). В представлении о мировой литературе как о культурном наследии, складывающемся в результате литературного процесса, можно видеть зерно теоретической истории литературы Д. С. Лихачева.

Вот почему проблема времени в теоретической истории литературы Лихачева занимает центральное, ключевое место. В этом отношении ученый даже несколько опережает развитие проблематики времени в культуре, в сегодняшней отечественной науке занимающей все более видное место (см.: Кузнецова, 2006).

Знакомясь со взглядами Д. С. Лихачева по этому вопросу, можно приписать ему не только следование концепции ускорения культурного процесса, но и психологическое оправдание такого ускорения. Он пишет: «Между древней русской литературой и новой существует решительное различие в темпах и типе развития» (Лихачев, 1987e:

27). И далее в более обобщенной форме: «Давно уже было обращено внимание на то, что средневековые литературы развиваются медленнее, чем литературы нового времени. Одна из причин состоит в том, что писатели и читатели не стремятся к новому как таковому. Новое для них не является само по себе некоторой ценностью, как это типично для XIX и XX вв. Писатели и читатели нового времени ищут новизны — новизны идей, тем, способов выражения и т. д. Произведение новой литературы воспринимается его читателями во времени. Для читателя нового времени далеко не безразлично — когда создано произведение: в каком веке и в каком году, при каких обстоятельствах. Для читателя современной нам, новой литературы ценность произведения возрастает, если оно появилось только что, является новинкой. Это отношение к новинкам поддерживается в новое время критикой, журналами и средствами современной быстрой информации, а также модой» (там же: 27–28).

Но дальше Д. С. Лихачев пишет ключевую фразу: «Если придерживаться распространенного деления эпох — на эпохи привычки и эпохи моды, то Древняя Русь безусловно принадлежит к эпохам привычки» (там же: 28).

Фраза, особенно за счет ссылки на некое «распространенное» деление, кажется проходной и не привлекает внимания, а между тем в ней содержится признание смены двух типов эпох («привычки» и «моды»), как сказано у Д. С. Лихачева, стабильных и переходных эпох, как это трактуем мы — см: Луков Вл. А., 2009) и, следовательно, разных темпов, приходящих один на смену другому, акселерации (ускорения) и ретардации (замедления).

Нынешняя эпоха относится к периоду акселерации, одному из многих в истории человечества и не бесконечно долгому. Но сказанное вовсе не значит, что наше время мало чем отличается от других эпох акселерации. Три отличительные черты следует назвать

в первую очередь. Это глобализация, это образовательная революция, это появление технических средств передачи информации, конструирующих новый тип человеческой культуры.

Глобализация имеет своим следствием формирование всемирности (один из аспектов формирования всемирности рассмотрен нами в ст.: Луков Вл. А., 2007). Мы считаем, что всемирность — это некое новое качество культуры, следствие перехода от региональных к межкультурным коммуникациям. Если расшифровать данное положение, то надо подчеркнуть: на смену типологическим моделям приходят контактные модели. Для науки это очень значимо. В современных вузовских учебниках, в академических трудах, где речь идет о мировой литературе, основная последовательность изложения материала — по национальным литературам. Но то, что работает применительно к XVII, XVIII, даже к XIX веку, перестает адекватно отражать действительность XX и XXI веков.

Образовательная революция (см.: Ильинский, 2002) подтверждается множеством фактов. Масштабы ее огромны. Для сравнения: в самой развитой стране XIX века Англии в ходе национального обследования, проведенного в 1833 г., было выявлено, что только 1 из 10 детей школьного возраста мог удовлетворительно писать и читать. В том же году Диккенс опубликовал свой первый рассказ. Как видим, у него не могло быть широкой читательской аудитории. К 1870 г., когда умер Диккенс, только 42% детей в Англии до 12 лет посещали школу. В этом же 1870 г. так называемый акт Форстера сделал для Англии реальностью обязательное образование для детей от 5 до 12 лет. Только в Дании, где еще в 1814 г. был принят закон об обязательном семилетнем обучении, ситуация была лучше, а так, по существу, весь мир, за исключением тонкой прослойки, не умел ни читать, ни писать. Прошло немногим более ста лет. В наше время США и Япония официально приняли программу всеобщего высшего

образования, Россия де-факто может их опередить. Это совершенно разные ситуации, не только количественно, но и качественно. Раньше художественная культура обеспечивала потребности довольно узкого круга людей, была доступна только элите и отражала ее высокие требования. Теперь появился огромный круг получивших доступ к художественной культуре людей со своими потребностями. Поэтому вся ее структура неизбежно изменится и уже меняется, этого нельзя игнорировать. Диккенса многие теперь не станут читать, но вовсе не потому, что не умеют, а потому, что формируется некая культура, больше отвечающая потребностям новых образованных масс. Прямо-таки назревает «спор древних и новых», подобный тому, который разгорелся на рубеже XVII–XVIII веков.

Что же это за новый тип культуры? Это не «массовая культура», хорошо вписывающаяся еще в XIX век и отражающая недостаточную развитость сознания, которое не имеет творческих потенций и удовлетворяется «готовыми идеями» (термин Пьера Бурдьё — см.: Бурдьё, 2002). Некоторые исследователи для характеристики возникающей культуры используют понятие «культура повседневности», вкладывая в него новое содержание. Но здесь есть определенная традиция понимания самой повседневности начиная с Георга Зиммеля, который видел в ней только рутину, противопоставив ей «приключение» (см.: Зиммель, 1996). А главное свойство этой рождающейся культуры — тяга к сегодняшней новости, будь то новая мода, новые лекарства, новости политики, новые религии, новые научные открытия. Это именно то свойство «эпох моды», о котором говорил Д. С. Лихачев (Лихачев, 1987е: 28). Но здесь необходимо поставить вопрос о новом качестве культуры нашего времени, отличающем ее от других «эпох моды», нужно говорить о становлении культуры Происходящего (термин принадлежит И. М. Ильинскому. См.: Ильинский, 2006; см. также: Луков Вл. А., Луков М. В., Луков А. В., 2006).

Этим понятием хорошо описываются фундаментальные черты таких явлений, как мода и дизайн, реклама и пиар, телевидение и Интернет — все наиболее заметные феномены культуры информационной цивилизации.

Следствия утверждения этой культуры — оттеснение на задний план Прошлого и Будущего. Меняется осмысление историзма: это не движение из прошлого в будущее, а совсем другая структура восприятия времени. Настоящее — та точка, из которой совершаются ретроспекция (движение из настоящего в прошлое, между прочим, узаконивающее такие научные термины, как Предвозрождение, широко применяемое Д. С. Лихачевым, посвятившим исследованию этого явления в русской литературе обширную главу своей ключевой работы по теоретической истории литературы — см.: Лихачев, 1987е: 102–159; предромантизм — см.: Луков Вл. А., 2006) и проспекция (присутствие в настоящем будущего, отменяющее власть таких понятий, как постмодернизм, постсоветский период, в которых настоящее определяется через прошлое).

Д. С. Лихачев, разрабатывая проблему времени в концепции теоретической истории литературы, обратил внимание на особенности восприятия читателем произведений литературы разных веков. Напомним его мысль: если средневековые «писатели и читатели не стремятся к новому как таковому», то «писатели и читатели нового времени ищут новизны», «для читателя современной нам, новой литературы ценность произведения возрастает, если оно появилось только что, является новинкой» (Лихачев, 1987е: 28). Исторический материал позволяет уточнить: в ряде случаев для средневекового читателя время произведения не просто безразлично, а важнее более древние тексты.

В основе перехода от приоритета литературы прошлого к приоритету литературных новинок и наоборот лежит особое свойство

культурного тезауруса, связанного с тем, что художественная литература в большой мере ориентирована на правополушарное мышление, где расположена основная зона восприятия искусства и где мало представлено историческое мышление, то есть мышление во времени (относящееся к левополушарному типу мышления).

Отсюда возникает фундаментальное противоречие истории литературы, которое было бы справедливо назвать «парадоксом Элиота».

Крупнейший англо-американский поэт и один из создателей «новой критики» в литературоведении Т. С. Элиот писал: «Вся европейская литература, начиная с Гомера, существует одновременно и располагается в порядке одновременного присутствия» (цит. по: Уэллек, Уоррен, 1978: 272).

Можно найти более ранние и более безапелляционные заявления о том, что у литературы нет истории. Р. Уэллек в «Теории литературы» Р. Уэллека и О. Уоррена вспоминает в этой связи об английском литературоведе Уильяме Пейтоне Кере, авторе работ «Эпос и роман» (1897), «Опыт о средневековой литературе» (1905), то есть исследователе литературного материала, явно отстоящего от современности на большую историческую дистанцию, но последовательном противнике исторического подхода к литературе: «У. П. Кер, например, полагал, что никакой истории литературы не нужно, поскольку художественные произведения существуют данные раз и навсегда, они “вечны”, “истории” в строгом смысле слова у них нет» (Уэллек, Уоррен, 1978: 271–272).

Но, как видим, У. П. Кер аргументировал свою позицию способом, близким к тому, каким классицисты XVII века характеризовали эстетический идеал: для них он был вечным, универсальным, достигнутым в античном искусстве, и поэтому подражание античности устанавливалось как незыблемое правило, без учета исторической дистанции. Собственно, вплоть до Гердера и романтиков (если не

считать эпизода «спора древних и новых» — см.: Спор о древних и новых, 1985; Gillot, 1968 ; D'un siècle à l'autre: Anciens et Modernes, 1987; продолжение спора в XVIII в. освещено в работе: Вершинин, 2003) оснований для появления истории литературы, по существу, не было. Литературоведение сводилось к поэтике, понимаемой как система «вечных», объективных, установленных еще Аристотелем правил, а писатели и произведения оценивались на основании того, насколько эти правила реализованы. Это приводило, например, Вольтера, открывшего французам Шекспира и тем самым способствовавшего возникновению общеевропейского культа великого английского драматурга, к выводу о «варварском» характере его творчества. Напротив, у Т. С. Элиота, во-первых, положение обретает лаконичную форму постулата, а не расплывчатого рассуждения, а во-вторых, скрыто соотносится не с «вечным», а с настоящим, не с объективным положением вещей, а с их субъективным восприятием. Эту связь с настоящим у Элиота заметил Р. Уэллек, дав собственный комментарий: «Можно согласиться с Шопенгауэром в том, что искусство всегда достигало своей цели. Его нельзя сделать лучше, нельзя заменить или повторить заново. В искусстве нам нет нужды доискиваться “wie es eigentlich gewesen” [как это было на самом деле (нем.)], а именно в этом видел цель исторической науки Ранке. Поэтому история литературы не история в буквальном смысле этого слова, поскольку она представляет собой знание о нынешнем состоянии, о вездесущем и вечносущем настоящем. В самом деле, нельзя отрицать, что между политической историей и историей искусства существует вполне определенное различие. Есть разница между историческим прошлым и историей, входящей живым содержанием в сегодняшний день» (Уэллек, Уоррен, 1978: 272; Ранке Леопольд (1795–1886) — немецкий историк, сторонник провиденциализма — концепции «божественного плана», осуществляемого в истории).

Именно поэтому мы говорим не о «парадоксе Кера», а о «парадоксе Элиота» — как парадоксе восприятия литературы.

Своим «парадоксом» Элиот предвосхитил тезаурусный анализ культуры. Несомненно, его формулировка должна быть в одном отношении расширена: она применима не только к европейской литературе, но и литературе всего мира. В то же время тезаурусный подход подсказывает, что в другом отношении она должна быть сужена. Что значит «вся литература»? За всю жизнь человек может прочесть несколько тысяч книг. Индивидуальный тезаурус больше не может вместить. Но их — миллионы. Не может быть всеохватным и групповой тезаурус, как бы ни велика была сама группа. Можно проделать эксперимент: опросить массу представителей русской культуры, смогут ли они назвать 100 европейских писателей. Отдельный человек с этой задачей справится, а большое количество людей значительно превысит эту цифру, очевидно, доведя ее до 1000. Но те же люди не смогут назвать 100 писателей Востока, а совокупные усилия никогда не поднимут эту цифру до 1000. При этом писателей и Запада, и Востока реально намного больше. Если американца попросить назвать русских писателей, он сможет уверенно назвать 4–5 имен (речь идет об образованном американце), но мы-то знаем, что только писателей мировой величины в России было несколько десятков.

И даже совокупный тезаурус человечества (если вообразить такой объект исследования) не вмещает в себя всю литературу, в частности и по историческим причинам. Так, Лопе де Вега написал от 1500 до 2500 пьес, но из них по названиям известны 726 пьес и 47 ауто (жанр религиозной пьесы), сохранилось лишь 470 текстов, более 250 комедий известны только по названиям и до сих пор не обнаружены. Так что не только ни один ученый мира не сможет изучить драматургию Лопе де Вега в полном объеме, но и в распо-

ряжении совокупного человеческого тезауруса в его распоряжении оказывается чуть ли не третья (или даже пятая) часть написанного Лопе де Вега в драматургических жанрах (а он был еще поэтом, романистом, новеллистом и т. д.).

Иначе говоря, «парадокс Элиота» действует только в пределах тезауруса, имеет отношение не к объективной, а к субъективной характеристике истории литературы. Но он подтверждает необходимость, неизбежность применения тезаурусного подхода к построению истории литературы.

«Парадокс Элиота» оказывается лишь частным случаем всего здания художественной культуры и культуры в целом, в нем отразились первичные, а потому наиболее фундаментальные ее свойства.

Поэтому создание теоретической истории литературы не очевидное дело, оно наталкивается на объективные препятствия, одно из сильнейших среди которых было охарактеризовано выше. В концепции теоретической истории литературы Д. С. Лихачева они не были заявлены, но, представляется, в ходе реализации этой концепции на конкретном материале литературного процесса они должны учитываться.

В концепции теоретической истории литературы Д. С. Лихачева жанровая проблема как проблема литературного процесса занимает центральное место. В специальной разделе своей основной монографии, называющемся «Жанры и виды древнерусской литературы» (Лихачев, 1987е: 73–88), ученый писал: «В системе литературы первенствующее место занимает система жанров» (там же: 73). Обращает на себя внимание то, что для теоретической истории литературы не так существенна проблема жанра, как важна проблема системы жанров. Д. С. Лихачев указывал: «Жанры находятся между собой в определенном, отнюдь не случайном соотношении. Это своего рода “растительная ассоциация”, в которую включаются в совместное

существование различные породы, виды, особи. Каждая эпоха имеет свое соотношение жанров, меняющееся в зависимости от изменения функции литературы, от того или иного литературного направления (в тех случаях, когда литературные направления уже появились), от “стиля эпохи” и пр.» (там же: 73–74). Это высказывание можно рассматривать как конспект жанровой теории в рамках теоретической истории литературы. Д. С. Лихачев при этом ссылается на свои более ранние работы, в которых уже были раскрыты особенности системы жанров древнерусской литературы (Лихачев, 1963, 1967). Резюмируя их, он отмечал: «Главным было употребление жанра, та “практическая цель”, для которой предназначался жанр. (...) Другая особенность: обилие и многообразие этих жанров. Особенность эта состоит в несомненной связи с первой: с разнообразием потребностей в них и употреблением в разных областях церковной и государственной жизни» (Лихачев, 1987е: 74). И далее особенно существенное: «При всей многочисленности жанров все они находятся в своеобразном иерархическом подчинении друг у друга: есть жанры главные и второстепенные, жанры, объединяющие другие произведения и входящие в состав этих больших объединений. Литература своим жанровым строением как бы повторяет строение феодального общества с его системой вассалитета-сюзеренитета» (там же: 74–75). Ученый специально отмечал, что «в этом жанровом строении литературы главная роль принадлежала своеобразным жанрам–“ансамблям”» (там же: 75): «Произведения группировались в громадные ансамбли: летописи, хронографы, четьи mineи, патерики, прологи, разного вида палеи, разного вида сборники устойчивого и неустойчивого содержания» (там же).

Нетрудно заметить, что иерархия жанров, отмеченных Д. С. Лихачевым в древнерусской литературе, перекликается с иерархией жанров в теоретических трудах Н. Буало и других французских классицистов. Может быть, поэтому в идее системы жанров, пред-

ложенной Д. С. Лихачевым, не было замечено особой новизны. Между тем, ученый не ставя задачу создать новую концепцию, стремился выявить реальное положение с жанрами в древнерусском литературном процессе, но при этом указал: «... Жанры выделялись в древнеславянских литературах по несколько иным признакам, чем в новой литературе» (там же: 74). Таким образом, сходство между иерархией жанров в древнеславянской литературе и у французских классицистов (жанры главные и неглавные и т. д.) носит внешний характер, основан на разных фундаментальных принципах.

К моменту выхода «Развития русской литературы...» концепция системы жанров разрабатывалась Д. С. Лихачевым уже десять лет, но в отечественном, да и зарубежном литературоведении приоритет оставался за проблемой жанра как такового, еще некоторых жанровых проблем, говорилось об общей системе жанров, но высказывания о системах жанров, возникающих в определенных историко-культурных условиях, не были особо замечены и, главное, не стали инструментом конкретного исследования реальных жанровых систем в литературах мира.

Своего рода ключевой проблемой и объектом особой критики в концепции Д. С. Лихачева может стать вопрос об отражении в ней персоналий, то есть самих писателей. Поясняя отличие нового типа исследования во Введении к фундаментальному труду «Развитие русской литературы X–XVII веков: Эпохи и стили», Д. С. Лихачев противопоставил его «традиционному» (эмпирическому, описательному) исследованию истории литературы. Напомним еще раз уже приводившееся выше ключевое высказывание ученого: «...Изложение авторами своего понимания процесса развития или просто течения литературы соединяется в традиционных историях литератур с пересказом общеизвестного фактического материала, с сообщением элементарных сведений, касающихся авторов и их произведений. Такое

соединение того и другого нужно в учебных целях, нужно в целях популяризации литературы и литературоведения, нужно для тех, кто хотел бы пополнить свои знания, понять авторов и произведения в исторической перспективе. Традиционные истории литературы необходимы и всегда останутся необходимыми» (там же: 24) — и далее: «Цель теоретической истории другая. У читателя предполагается некоторый необходимый уровень знаний, сведений и некоторая начитанность в древней русской литературе. Исследуется лишь характер процесса, его движущие силы, причины возникновения тех или иных явлений, особенности историко-литературного движения данной страны сравнительно с движением других литератур» (там же: 24–25).

У Лихачева, таким образом, персонализация истории литературы полностью исчезает — но, как это уже отмечалось, исчезает из текста исследования, а не из головы исследователя и из головы столь же профессионального читателя. Этим концепция теоретической истории Лихачева заметно отличается от литературоведческих концепций, развившихся на основании системно-структурного подхода.

Особо следует отметить, что большинство трудов Д. С. Лихачева посвящено древнерусской литературе, где фигура автора еще не играла такой роли, как в литературе Нового времени. Но даже и в этом случае ученого живо интересовал вопрос об авторстве «Слова о полку Игореве» (статья 1984 г. — Лихачев, 1987f). Новый период развития литературы представлен в его творчестве не обобщенными работами о направлениях, методах, стилях эпохи и т. д., а статьями о Пушкине («Сады Лицея», 1979), Гоголе («Социальные корни типа Манилова», 1964), Достоевском («Достоевский в поисках реального и достоверного», 1970), Толстом («Лев Толстой и традиции древней русской литературы», 1978), Лескове («"Ложная" этическая оценка у Н. С. Лескова», 1980; «Особенности поэтики произведений Н. С.

Лескова», 1982), Блока («Из комментария к стихотворению А. Блока “Ночь. Улица. Фонарь. Аптека...”», 1977), Ахматовой («Ахматова и Гоголь», 1978), Пастернаке («Поэтическая проза Бориса Пастернака», 1981; «Борис Леонидович Пастернак», 1985), причем последняя из названных статей написана в жанре литературного портрета. Существенны указанные годы написания этих работ: почти все они написаны после 1973 г., когда была сформулирована концепция теоретической истории литературы. Все указанные статьи помещены в 3-ем томе изд.: Лихачев, 1987а: т. 3: в разделе «Литература — реальность — литература, I»: 221–398.

Отсюда следует, что при правильно расставленных акцентах литературные портреты могут занять определенное место в теоретической истории литературы.

В чем же здесь искать правильность? Отдельный писатель или его произведение настолько индивидуальны, неповторимы, что в этом смысле не могут фигурировать в теоретической истории литературы, устанавливающей макрозаконмерности литературного процесса. Но если тот или иной писатель или его произведение выступили определенной моделью для других писателей и произведений, ситуация меняется. Однако описан такой писатель должен быть именно как модель, по типу которой развиваются определенные тенденции в литературном процессе.

ГЛАВА III

СЛЕДСТВИЯ И ПАРАЛЛЕЛИ КОНЦЕПЦИИ Д. С. ЛИХАЧЕВА

§ 1. Теоретическая история литературы в работах отечественных литературоведов, Пуришевская научная школа

Рассматривая следствия выдвижения Д. С. Лихачевым концепции теоретической истории литературы, нельзя не заметить, что она не получила должной оценки ни в критике, ни в качестве методологии литературоведческого исследования в трудах последователей (среди тех, кто поддержал, по крайней мере, концепцию Возрождения и его особой судьбы в русской литературе, составляющей часть концепции теоретической истории литературы, был акад. Е. П. Чельшев. См.: Чельшев, 1991: 20). Заметный шаг в этом направлении был, пожалуй, сделан только Дмитрием Сергеевичем Наливайко из Киевского государственного университета им. Т. Г. Шевченко в его докторской диссертации «Теоретическая история реализма в европейских литературах» (Наливайко, 1987), защищенной в МГУ им. М. В. Ломоносова. В диссертации осуществлялась цель раскрыть определяющую роль реализма в литературном процессе XIX–XX веках, поступательного характера его движения на уровнях содержательном и эстетическом. Постулировалось, что теоретическая история исходит из принципа единства логического и исторического и вытекает из методологии системного изучения литературы. В качестве новизны предпринятого исследование отмечалось (как в диссертации, так и в отзывах оппонентов А. А. Аникста, И. Ф. Волкова, Н. С. Павловой), что впервые

в литературоведении движение реализма исследовано как теоретическая история, выявлены основные формы реалистического типа творчества, стилевые константы реализма XIX и XX веков.

Однако если примеров прямого воздействия концепции Д. С. Лихачева немного, то следует отметить особый случай, представляющий в этом отношении значительный интерес. Параллельно Лихачеву, но вне его терминологии с середины XX века в Москве развивалась Пуришевская научная школа (или, как ее теперь нередко называют, школа Б. И. Пуришева — М. Е. Елизаровой — Н. П. Михальской), сформировавшаяся на кафедре всемирной литературы Московского педагогического государственного университета (в прошлом МГПИ им. В. И. Ленина). Разработанный в ее рамках историко-теоретический подход в ряде положений совпадал и концепцией Д. С. Лихачева, и поэтому в период теоретического осмысления методологии данной научной школы лихачевская концепция теоретической истории литературы была названа одной из составляющих историко-теоретического метода.

Близость к теоретической истории литературы можно обнаружить в трудах ее основателей Б. И. Пуришева и М. Е. Елизаровой (см., напр.: Пуришев, 1931; Елизарова, 1951), и возрастание этой близости — в работах нынешних ее представителей — старшего (Н. П. Михальская, Г. Н. Храповицкая, вне МПГУ — М. И. Воропанова, З. И. Кирнозе, В. А. Пронин, В. Г. Решетов и др.), среднего (В. Н. Ганин, Е. В. Жаринов, М. И. Никола, Н. И. Соколова, В. П. Трыков, Е. Н. Черноземова, И. О. Шайтанов, вне МПГУ — И. В. Вершинин, Н. Е. Ерофеева, М. В. Кожевников, А. Н. Макаров, А. С. Подгорский и др.) и младшего (А. С. Дежуров, Л. В. Дудова, Н. Г. Калининкова, А. В. Коровин, А. И. Кузнецова, А. Р. Ощепков, Н. В. Соломатина, вне МПГУ — О. Н. Половинкина, О. Ю. Поляков, К. Н. Савельев и др.) поколений. Среди работ указанных авторов вы-

делим несколько: Михальская, 2003b, 2006; Храповицкая, Коровин, 2002; Кирнозе, 1977; Пронин, 1986; Шайтанов, 1989; Ганин, 1998; Жаринов, 2004; Никола, 2003; Трыков, 1999; Луков Вл. А., Соломатина, 2005; Вершинин, 2003; Кожевников, 2001; Подгорский, 1998; Савельев, 2007; Ощепков, 2010.

Особое место в развитии теоретической истории Пуришевская научная школа уделила формированию и теоретическому обоснованию особого типа истории литературы — через персоналии писателей. Показательный пример — книга Н. П. Михальской «Десять английских романистов» (Михальская, 2003а), библиографический словарь «Зарубежные писатели» под ее редакцией — своего рода итог деятельности школы в этом направлении (Зарубежные писатели, 1997, 2003).

Уже не итогом, а возможной перспективой в том же аспекте можно считать выпущенный в 2003 г. коллективом авторов под редакцией Н. П. Михальской вузовский учебник «Зарубежная литература. XX век» (Зарубежная литература. XX век, 2003). Известный писатель С. Н. Есин в своей докторской диссертации «Писатель в теории литературы: проблема самоидентификации» пишет об этой книге: «...Чуть ли не впервые на моей памяти при изложении литературного процесса новейшего периода материал представлен не по направлениям (экспрессионизм, сюрреализм, постмодернизм и т. д.), а по авторам (Марсель Пруст, Джеймс Джойс, Бертольт Брехт, Габриель Гарсиа Маркес и т. д.). Кому-то это может показаться старомодным, мне же представляется это самым настоящим новаторством, за которым просматривается какая-то новая концепция, учитывающая принципиальное значение авторской индивидуальности в литературе» (Есин, 2006: 7).

§ 2. Рождение историко-теоретического и тезаурусного подходов в гуманитарном знании

В рамках школы Б. И. Пуришева — М. Е. Елизаровой — Н. П. Михальской окончательно оформился комплексный подход к изучению литературного процесса, который мы обозначили термином «историко-теоретический подход» (впервые термин появился в работе: Луков Вл. А., 1981) и который уже несколько десятилетий широко используется в научной среде (см., напр., указание на использование историко-теоретического метода в качестве основы методологии исследования в диссертациях: Трыков, 1989: 1; Ганин, 1990: 2; Ишемгулова, 1990: 3–4; Шергин, 1999: 3; Симаков, 2004: 2; Есин, 2005: 2; и др.).

Как уже было отмечено выше, одним из важных моментов освоения и формулирования историко-теоретического подхода стала концепция «теоретической истории» академика Д. С. Лихачева.

Историко-теоретический подход имеет два аспекта: с одной стороны, историко-литературное исследование приобретает ярко выраженное теоретическое звучание (этот аспект прежде всего разрабатывал Д. С. Лихачев), с другой стороны, в науке утверждается представление о необходимости внесения исторического момента в теорию.

Так, выдающийся философ и филолог А. Ф. Лосев выделил проблему исторической изменчивости содержания научных терминов (см., напр.: Лосев, 1983; итоговая работа А. Ф. Лосева в этом направлении опубликована посмертно. См.: Лосев, 1994). Он при этом ссылаясь на философские положения классиков марксизма. И действительно, В. И. Ленин, опираясь на уже высказанные рядом предшественников идеи, утверждал: «Понятия не неподвижны, а —

сами по себе, по своей природе = переход» (Ленин, 1969: 206–207); «...человеческие понятия... вечно движутся, переходят друг в друга, сливаются одно в другое, без этого они не отражают живой жизни» (там же: 226–227); понятия должны быть «обтесаны, обломаны, гибки, подвижны, релятивны, взаимосвязаны, едины в противоположностях, дабы обнять мир» (там же: 131).

Но характерно, что, цитируя эти положения (даже как бы в обязательном порядке) в теоретических статьях (см., напр.: *Философский словарь*, 1972: 321; *Философский энциклопедический словарь*, 1989: 494), ученые советского периода в конкретных исследованиях (особенно в годы бурного развития системно-структурного и типологического методов) были устремлены к прямо противоположной цели: создать в области гуманитарного знания стройную систему однозначно понимаемых терминов с зафиксированным значением, подобную системе математических терминов.

Труды А. Ф. Лосева, а за ним С. С. Аверинцева (Аверинцев, 1986) и других последователей, действительно реализовавших в конкретных исследованиях идею исторической изменчивости содержания терминов, сыграли в нашей стране видную роль в развитии гуманитарного знания как особого вида научного знания, даже несмотря на подозрение в том, что такая позиция оказывалась близкой к идеям Ф. Ницше, В. Дильтея, Э. Гуссерля, О. Шпенглера, К. Ясперса и других чуждых марксизму мыслителей.

Концепция теоретической истории Д. С. Лихачева отличается от историко-теоретического подхода прежде всего отсутствием внимания к подвижности терминологических значений.

Почему Д. С. Лихачев не придавал особого значения изменчивости содержания научных терминов? Думается, объяснение самое простое: этого не требовал тот материал, который он исследовал, мате-

риал достаточно однородный и ограниченный по месту и времени — исследование русской литературы от возникновения до XVII века, и этому локальному на фоне мировой литературы явлению уже выработанный круг также локальных терминов в той или иной степени удовлетворял, а новый тип исследования этого материала потребовал не переосмысления старых, а внесения новых терминов, что и было сделано выдающимся ученым. Историко-теоретический подход рождался не из отрицания «теоретической истории литературы» Д. С. Лихачева, а из расширения сферы ее применения, что поставило дополнительные вопросы перед исследователями.

Именно поэтому мы связываем дальнейшее развитие историко-теоретического подхода с комплексом идей, сформулированных Ю. Б. Виппером и положенных в основу «Истории всемирной литературы», о многотрудной работе по созданию которой говорилось выше, а также с трудами других представителей Пуришевской научной школы, решавших сходные проблемы на материале мировой литературы.

В свете историко-теоретического подхода искусство рассматривается как отражение действительности исторически сложившимся сознанием в исторически сложившихся формах.

Сторонники этого подхода стремятся рассматривать не только вершинные художественные явления, «золотой фонд» литературы, но все литературные факты без изъятия. Они требуют отсутствия «предвзятости в отборе и оценке историко-литературного материала: будь то недооценка исторической значимости так называемых “малых” литератур, представление об “избранной” роли литератур отдельных регионов, влекущее за собой пренебрежение художественными достижениями других ареалов, проявление западноцентристских или, наоборот, восточнцентристских тенденций» (Виппер, 1983: 5).

Одно из следствий историко-теоретического подхода заключается в признании того факта, что на разных этапах и в различных исторических условиях одни и те же понятия могли менять свое содержание. Более того, применяя современную терминологию к таким явлениям, исследователь должен корректировать содержание используемых им терминов с учетом исторического момента.

Но историко-теоретический подход в применении имеет и свои ограничения. Литературный процесс в его реальном выражении, для изучения которого он предназначен, — это основной предмет анализа, но объект анализа — литературный поток, вся совокупность огромного числа текстов и литературных фактов без четкой их дифференциации и, как говорилось в приведенной выше статье Ю. Б. Виппера, «без изъятия». В этом потоке отдельные писатели, отдельные произведения теряются, «растворяются», их значение не предпочитается значению других писателей и произведений, подобно тому, как в равном положении оказываются «большие» и «малые» литературы. Такой принцип равенства, хороший и объективный в одном отношении, становится необъективным и поэтому неудовлетворительным в другом.

Драматично выглядит сам объем исследуемого материала: все существующие литературные тексты и литературные факты. Даже кратко обозреть такой объем невозможно ни отдельному исследователю, ни целым институтам, притом что и это не дало бы исчерпывающий материал для анализа, так как многие тексты и сведения о литературных фактах (вероятно даже, что большинство) не сохранились, и полнота исследования объекта ставится под сомнение уже не только на субъективных, но и на объективных основаниях. Таким образом, историко-теоретический подход к истории литературы в своем идеальном применении практически невозможен, таит в себе опасность фикции и допущения принципиальных ошибок, как и

любой другой из рассматривавшихся научных подходов. Каждый подход, решая одни проблемы и приближая нас к научному пониманию литературы в ее историческом развитии, создает другие проблемы. Значит, ни один из них не может позиционироваться как исчерпывающий и окончательный, а выступает лишь как достаточный на определенном этапе развития филологического знания и применительно к решению определенных задач.

Выгодно отличаясь от других современных научных подходов, будь то сравнительно-исторический или типологический, системно-структурный или герменевтический и т. д., тем, что возникла возможность более адекватно описывать реальную историю литературы, причем возможность совершенно другого уровня с точки зрения результативности, историко-теоретический подход все же подчиняется этому закону. Сфера его применимости — описание литературного потока как литературного процесса, но в области изучения персональных моделей литературного творчества он имеет достаточно скромные результаты, которые связаны прежде всего с очень глубокой трактовкой того фона, на котором эти модели предстают перед исследователем.

Обратим внимание на то, что в концепции Д. С. Лихачева указанной опасности нет. Напротив, ученый как бы стремился уйти от многообразия эмпирического материала, придав литературному процессу теоретическую стройность. Но тогда открывался путь определенному субъективизму в выборе фактов, на которых должны были зиждиться теоретические линии, создающие архитеконику литературного развития.

Историко-теоретический подход дал убедительный ответ на вопросы, требовавшие разрешения, он позволил выявить значительный объем данных для создания образа развития культуры как смены стабильных и переходных периодов.

Этот подход внес большой вклад в обновление концепции истории литературы. В свете этого подхода каждая эпоха, каждое литературное направление не должны подгоняться под некую универсальную схему описания, а предстают как вполне самостоятельные системы со своими собственными законами, принципами, акцентами, и научный аппарат нужно приводить в соответствии с реальностью, а не наоборот. Точно так же творчество отдельных писателей, даже наиболее существенные из их произведений рассматриваются как определенные системы с теми же последствиями для их анализа.

Но такое многообразие литературных явлений, находя продолжение в соответствующем ему многообразии теоретических построений, то есть подобное следование теории за каждым изгибом реального литературного процесса в перспективе, может привести в тупик. В этом плане единственно реальной формой описания истории литературы с позиций историко-теоретического подхода остается форма, предложенная Д. С. Лихачевым, — теоретическая история литературы.

Однако потеря (хотя бы из описания) живой плоти литературы — писателей и их произведений — основная проблема построения современной истории литературы на этих методологических основаниях.

Научный принцип дополнительности подсказывает выход из этого методологического тупика: необходимо использовать какой-то иной подход, создающий по принципу матрицы объемное представление о литературе.

Действительно, возможность субъективизма была осмыслена иначе, чем это вытекало из концепции Д. С. Лихачева, как теоретическая проблема гуманитарного знания, что привело к развитию из теоретической истории культуры (литературы, искусства) и исто-

рико-теоретического подхода нового методологического подхода, распространяемого не только на филологию, но и на все гуманитарное знание, — тезаурусного подхода. Наиболее детально этот подход охарактеризован в работе: Луков Вал. А., Луков Вл. А., 2008. См. также: Луков Вал. А., Луков Вл. А., 2004, 2005, 2006; Гуманитарное знание: тенденции развития в XXI веке, 2006; Луков Вл. А., 2006; Тезаурусный анализ мировой культуры, 2005–2011 (статьи Вал. А. Лукова, Вл. А. Лукова, Н. В. Захарова, А. Б. Тарасова, Т. Ф. Кузнецовой, И. В. Вершинина и др.); и др.

Основными центрами разработки тезаурусного подхода в нашей стране стали Московский гуманитарный университет (в первую очередь — Институт гуманитарных исследований МосГУ), Московский педагогический государственный университет, Литературный институт им. А. М. Горького, Гуманитарный институт телевидения и радиовещания им. М. А. Литовчина, Самарский государственный педагогический университет (ныне Поволжская государственная социально-гуманитарная академия), Магнитогорский государственный университет, Омский государственный университет, Орский гуманитарно-технологический институт (филиал) Оренбургского государственного университета и др.

В международном масштабе — Международная академия наук (IAS, штаб-квартира в Инсбруке, Австрия), Центр тезаурусных исследований Международной академии наук педагогического образования, Высшая гуманитарная школа в Щецине (Польша) и др. Материалы печатаются в журналах «Соис», «Социологические исследования», «Филологические науки», «Знание. Понимание. Умение», в Новой Российской Энциклопедии, в издательствах «Наука», «Флинта», «Высшая школа», «Академия», «Педагогика-пресс», «Просвещение», «Языки русской культуры», «Дрофа», «Социум» и др.

Центральное понятие этого подхода — тезаурус. Из многих значений этого слова модифицировано то, которое понимается в информатике как полный систематизированный набор данных о какой-либо области знания, позволяющий человеку и вычислительной машине в ней ориентироваться.

Это значение положено в основу характеристики тезауруса в культурологии, более того, возникающие при его применении следствия послужили основанием для выделения особой области знания — тезаурологии.

Тезаурология (рабочий термин для обозначения гуманитарного знания о культуре, воспринятой сквозь призму тезаурусного подхода) дополняет культурологию как ее субъективная составляющая.

Если культурология изучает в качестве объекта мировую культуру, то тезаурология — процесс овладения культурными достижениями, осуществляемый субъектом (отдельным человеком, группой людей, классом, нацией, всем человечеством). Культура не может быть осознана и вовлечена в человеческую деятельность в полном объеме, идет ли речь об индивидууме или об обществе (можно говорить о поле ассоциаций, семантическом поле, понятийном ядре и т. д.).

Тезаурус — это структурированное представление и общий образ той части мировой культуры, которую может освоить субъект.

Тезаурус обладает рядом черт, характерных особенностей, из которых в первую очередь нужно выделить следующие:

- неполнота любого тезауруса по сравнению с реальным развитием культуры, его фрагментарность, непоследовательность по отношению к объективной логике развития, а отсюда — неповторимость тезаурусов;
- единство тезауруса, несмотря на фрагментарность составляющих его элементов, которое обеспечивается субъективно (внутренняя логика), в частности через единство личности;

- иерархичность, восприятие мировой культуры сквозь призму ценностного подхода; выделенные приоритеты составляют определенную подсистему — ядро тезауруса;
- творческое пересоздание, переосмысление, вводящее герменевтический аспект в характеристику тезауруса;
- ориентирующий характер тезауруса;
- наличие родных истоков, родственных явлений в других тезаурусах, что ставит вопрос о генезисе тезаурусов;
- разнообразие и изменчивость тезаурусов, множественность уровней освоения культуры, при наличии ядра — отсутствие четких границ;
- действенность тезауруса, который влияет на поведение, другие проявления субъекта; воспитывающий характер.

Тезаурология призвана изучать закономерности и историю развития, взаимодействия, сосуществования, противоборства, смены культурных тезаурусов.

Следует обратить особое внимание на то, что тезаурус (как характеристика субъекта) строится не от общего к частному, а от своего к чужому. Свое выступает заместителем общего. Реальное общее встраивается в свое, занимая в структуре тезауруса место частного. Все новое для того, чтобы занять определенное место в тезаурусе, должно быть в той или иной мере освоено (буквально: сделано своим).

Тезаурусный анализ (как реализация тезаурусного подхода) сближается с концепцией истории литературы Д. С. Лихачева, в которой литературы наделены разными возможностями в организации литературного пространства, в теории сильных позиций (представители тезаурусного подхода называют ее форсологией – от *force* – фр. сила). Сильные позиции в функционировании культуры могут рассматриваться в различных аспектах: во времени (исторический аспект),

в пространстве («география культуры»), сильные позиции языков, идей, личностей. Сильные позиции могут рассматриваться как особый исследовательский объект. Они обладают и статикой, и динамикой. Динамический аспект может рассматриваться с точки зрения изменения таких позиций (пульсации), их перемещения, взаимодействия, симбиоза, гармонизации (уравновешивания в общей динамической системе культуры), зависимости и независимости от природы, хронотопа освоения (формирование представления о классике) и т. д.

Анализ явлений, которые могут быть представлены как занимающие в культурной жизни «сильные позиции», важен, так как позволяет объяснить, почему в одних странах появляются люди, идеи, произведения, открытия, изобретения, оказывающие влияние на весь мир или на большой регион, а в других не появляются.

Результаты применения тезаурусного подхода могут подсказать ряд идей в исследованиях культурологического и филологического характера, например, научно объяснить, почему в России сложилась традиция, зафиксированная в вузовских учебных программах, под зарубежной (всемирной) литературой подразумевать почти исключительно литературу Европы, а из европейских литератур останавливаться только на трех — английской, французской, немецкой, лишь иногда привлекая материал из итальянской, испанской, норвежской и некоторых других литератур.

К европейским литературам добавляется литература США. Упоминания о литературах Азии и Латинской Америки единичны, а Африка и Австралия, по существу, вообще не рассматриваются. Тезаурология поясняет: изучать следует прежде всего тот материал, который вошел в русский культурный тезаурус, освоен нашими соотечественниками. Расширение тезауруса возможно, но до известных пределов, без разрыва с культурной традицией.

Так концепция теоретической истории литературы Д. С. Лихачева оказалась дополненной, при этом весьма существенно, историко-теоретическим и тезаурусными подходами, в которых она нашла свое продолжение.

Учитывая, что эти подходы взаимодействуют по принципу дополнительности, во многом противоположны, между ними необходимо установить некий баланс.

В сущности, идея методологического баланса присуща лихачевской концепции теоретической истории литературы, по крайней мере, вытекает из нее. Не случайно Д. С. Лихачев при изложении своей концепции не прибегает к разгромной критике своих предшественников как в области литературоведческой методологии, так и в области конкретных исследований.

Между тем, благодаря его трудам, как и деятельности некоторых других видных литературоведов, отечественное литературоведение совершало переход к качественно новой ступени методологического обоснования конкретно-исторических исследований, что позже было точно определено крупным теоретиком литературы В. Е. Хализевым: «И с течением времени (в отечественном литературоведении — благодаря Скафтымову, Бахтину, Лихачеву, Аверинцеву, А. В. Михайлову, С. Г. Бочарову) стало упрочиваться новое, более широкое, свободное от направленного догматизма понимание методологии литературоведения как ориентированной прежде всего на специфику гуманитарного знания» (Хализев, 2001b: 1072).

И далее В. Е. Хализев разъясняет, о чем идет речь: «Общенаучные начала, ярко представленные в математических и естественнонаучных дисциплинах, литературоведение соединяет со специфическими чертами гуманитарного знания: установка на постижение индивидуально-личностной сферы; широкая вовлеченность в познавательную деятельность его субъекта: ценностных ориентаций самого ученого.

(...). Об особом роде активности ученых-гуманитариев вслед за В. Виндельбандом, Г. Риккертом, В. Дильтеем писал Бахтин. По его мысли, гуманитарные науки имеют дело не с “безгласными вещами” (это — область естественнонаучного знания), а с “говорящим бытием” и личностными смыслами, которые раскрываются и обогащаются в процессах диалогического общения с произведениями и их авторами. Удел гуманитария — это прежде всего понимание как превращение “чужого” в “свое-чужое”. Гуманитарная специфика литературоведения наиболее ярко проявляется в области интерпретации учеными отдельных произведений и их групп. В ряде теоретических концепций акцентируется своеобразие науки о литературе в ущерб ее общенаучным аспектам. Знаменательны характеристика Э. Штайгером литературоведения как “наслаждающейся науки” и суждение Барта о рассмотрении филологом литературного произведения как вольной “прогулки по тексту”. В подобных случаях возникает опасность подмены собственно научного знания эссеистским произволом. Имеет место и другая ориентация, тоже чреватая крайностями: предпринимаются опыты построения литературоведения по образцу негуманитарных наук. Такова структуралистская методология. Здесь доминирует установка на радикальное устранение субъективности ученого из его деятельности, на безусловную и абсолютную объективность обретаемого знания» (там же: 1072–1073). Д. С. Лихачев в своей концепции теоретической истории литературы устанавливал баланс между крайностями, отмеченными в приведенном высказывании В. Е. Хализева, а именно между эссеистическим субъективизмом чисто эмпирического исследования и безличным объективизмом структуралистского или системно-структурного типа.

Когда Д. С. Лихачев в своем изложении концепции теоретической истории литературы писал, что у читателя предполагается

некоторый необходимый уровень знаний, сведений и некоторая начитанность в древней русской литературе, он тем самым указывал на особое качество не столько читателя, сколько самого исследователя. Ученый, создающий теоретическую историю литературы, является экспертом. Именно в фигуре эксперта достигается баланс между объективностью науки в целом и субъективностью (точнее — субъектностью) гуманитарного знания. Экспертная оценка — весьма прочная основа гуманитарного знания, тезаурусный подход анализирует основания для этого, что сближает концепцию Лихачева и тезаурусный подход в ключевом моменте.

Методологический баланс — лишь промежуточная ступень на пути к созданию синтеза разных методологических подходов. На достижение этого синтеза должны быть направлены усилия специалистов в области методологии гуманитарного знания. Тогда можно будет ожидать нового осмысления культурной реальности всех времен и народов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В данной работе совокупность идей академика Д. С. Лихачева, определенная им как теоретическая история литературы, рассмотрена как реальное основание для выделения из общей филологической дисциплины — литературоведения, включающего как теорию, так и историю литературы, историко-литературной ее составляющей в отдельную, вполне самостоятельную дисциплину, которая в свете концепции Д. С. Лихачева обретает не только свой предмет (это было сделано и раньше), но и свою собственную теорию, уже не растворенную в поэтике, даже если это и историческая поэтика, а выступающей как оригинальная и стройная система принципов и оснований этой науки.

Концепция теоретической истории литературы должна рассматриваться также в контексте выдвинутой Д. С. Лихачевым в 1980 г. идеи экологии культуры (Лихачев, 1980). В статье с таким названием он характеризует экологию как сложившуюся науку, считая, что в нее нужно включить такой раздел, как культурная экология, которой придан нравственный аспект. Экология культуры — это не просто «забота о сохранении памятников культуры», как это в большинстве случаев сейчас воспринимается, это сложнейшая и ответственнейшая дисциплина, призванная играть первенствующую роль в культурной политике государства и в понимании взаимосвязанности всех частей культуры и возможных срывов в этой области, считает Д. С. Лихачев.

История литературы, рассмотренная в этом ключе, представлена в данной монографии как один из разделов гуманитарного знания о литературе, включающего философию литературы (то есть определение целей, задач, ориентиров, онтологию, гносеологию, аксиологию литературы), эстетику литературы (понимание прекрасного), этику литературы (понимание идеала), социологию литературы, экономику

литературы, поэтику литературы, психологию литературы, педагогику литературы, тезаутологию литературы, экологию литературы и, очевидно, ряд других областей, причем все эти области пересекаются и не существуют отдельно друг от друга.

Следует отметить этапы формирования данной науки до появления концепции Д. С. Лихачева.

Как о науке, складывающейся на основе сравнительного метода, об истории литературы говорил во вступительной лекции к курсу истории всеобщей литературы «О методе и задачах истории литературы, как науки» Александр Н. Веселовский 5 октября 1870 г. в Санкт-Петербургском университете (Веселовский, 1940b).

Прошло почти полтора столетия. К началу XXI века история литературы обладает основными признаками науки: определен предмет изучения — мировой литературный процесс; сформировались научные методы исследования — сравнительно-исторический, типологический, системно-структурный, мифологический, психоаналитический, историко-функциональный, историко-теоретический и др.; выработаны ключевые категории анализа литературного процесса — направление, течение, художественный метод, жанр и система жанров, стиль и др.

История литературы что-то берет от филологии, а что-то от истории и, следовательно, должна включать в себя такой важный компонент исторической науки, как историография. Историографии литературоведения и, в частности, историографии истории литературы пока не существует как специальной науки, хотя в любой литературоведческой диссертации есть обязательный раздел, посвященный анализу критической литературы по теме исследования. Такая наука необходима не только для признания возможности открытий в гуманитарной области знаний (каким является, например, открытие М. М. Бахтиным целого мира средневековой смеховой культуры), но и

для того, чтобы не возникало иллюзии, будто все, что излагается в истории литературы, носит объективный характер, не зависящий от точки зрения исследователя. Например, огромная литература об эпохе Возрождения создает представление о том, что это некий точный термин, обозначающий реально существовавшую эпоху в истории человечества. Между тем, если знать, что представление о Возрождении как отдельной эпохе сложилось лишь во второй половине XIX века — «Возрождение» Ж. Мишле (Michelet, 1855); «Культура Италии в эпоху Возрождения» Я. Буркхардта (Burkhardt, 1869; Буркхардт, 1996) — станет понятным, почему Возрождение — это культурологический, а не общеисторический термин, почему Й. Хёйзинга в статье «Проблема Возрождения» (Huizinga, 1938) предложил вообще не использовать это понятие как малопродуктивное и бесосновательное, почему одни ученые утверждали, что был не один, а несколько Ренессансов (У. Фергюссон, Э. Панофский и др.), а другие — что Ренессанса вообще не было (Л. Торндайк, Р. Мунье и др.).

Создание истории литературы требует не только выработки общей концепции (одна из первых принадлежит Жермене де Сталь, которая в трактате «О литературе», вышедшем в 1800 г., разделила литературы на «южные» и «северные», «классические» и «романтические» — Сталь, 1989), но и группировку и описание огромных пластов литературного материала. Первые авторитетные истории всемирной (всеобщей) литературы появились в конце XIX — начале XX века в России (Всеобщая история литературы, 1880–1892), Германии (Scherr, 1884–1885, рус. пер. — Шерр, 1905; Hart, 1894; Leixner, 1898–1899; Busse 1910–1913, рус. пер. — Буссе, 1913–1914), Франции (Letourneau, 1894, рус. пер. — Летурно, 1895), США (The literature of all nations and all ages, 1902) и др. Наиболее интересные издания последних десятилетий — «История литератур» под редакцией Р. Кено (Histoire des littératures, 1957–1963), «Всемирная литера-

тура» Б. Б. Трейвика (Trawick, 1963–1964), «Всемирная история литературы» под редакцией Ф. Й. Биллесков-Янсена (Litteraturens världshistoria, 1971–1974), многотомная «Всемирная история литературы», подготовленная ИМЛИ им. А. М. Горького и выпущенная издательством «Наука» (История всемирной литературы, 1983–1994, неоконч. изд.).

Именно это последнее из названных изданий, среди авторов которого — крупнейшие отечественные литературоведы С. С. Аверинцев, Н. И. Балашов, Ю. Б. Виппер, М. Л. Гаспаров, Н. И. Конрад, Ю. М. Лотман, Е. М. Мелетинский, Б. И. Пуришев и др., несмотря на его незавершенность, мы считаем вершиной реализации возможностей истории литературы как науки на сегодняшний день. Принял активное участие в создании этого труда и Д. С. Лихачев, и не только как автор разделов о древнерусской литературе, но и как мыслитель, внесший вклад в формирование теории данного издания, которая выступает как отечественная теория истории литературы наиболее систематизированном ее выражении, хотя и растворенном в историко-литературном материале литератур всего мира.

Особо следует выделить еще одно монументальное издание — вышедший во Франции пятитомник «Великие писатели мира» под редакцией П. Брюнеля и Р. Жоанни (Les grands écrivains du monde, 1976–1978), к которому мы бы добавили отечественное издание — двухтомник «Зарубежные писатели» под редакцией Н. П. Михальской, вышло два разных издания, в «Просвещении» и «Дрофе», причем издание «Дрофы» значительно переработано и дополнено (Зарубежные писатели, 1997, 2003).

Эти два издания позволяют связать лихачевскую «внеличностную» теоретическую историю с реализацией иного по вектору «персонального принципа». Хотя ни французские, ни русские авторы названных трудов не предлагают какой-то самостоятельной концеп-

ции истории литературы, но сам их объем, выбор авторов, сыгравших большую роль в литературном процессе всех (по крайней мере, многих) времен и народов, позволяют говорить о заявке на такое построение истории литературы, от которого недалеко до создания истории литературы, представленной через призму «персональных моделей».

Поэтому в нашей работе концепция Д. С. Лихачева не рассматривается как последняя и непогрешимая теория, а показано, в каких направлениях она развивалась после того, как была высказана, показана как теория живая, порождающая, что делает академика Д. С. Лихачева актуальным участником научного процесса в литературоведении настоящего.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

Аверинцев С. С. (1981) Древнегреческая поэтика и мировая литература // Поэтика древнегреческой литературы. М.

Аверинцев С. С. (1986) Историческая подвижность категории жанра: опыт периодизации // Историческая поэтика: Итоги и перспективы изучения: Сб. М.

Адрианова-Перетц В. П. (1950) «Слово о полку Игореве» и устная народная поэзия. М.

Барт Р. (1994 а) S/Z. М.

Барт Р. (1994b) Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М.

Барт Р. (1994с) Из книги «О Расине» // Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М.

Барт Р. (1994d) Смерть автора // Барт Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика / Сост., общ. ред. и вступ. ст. Г. К. Косикова. М. С. 384–391.

Бахтин М. М. (1965) Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Возрождения. М.

Бахтин М. М. (1975) Эпос и роман // Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. М.

Бахтин М. М. (1979) Эстетика словесного творчества. М.

Белинский В. Г. (1954) Полн. собр. соч.: В 13 т. М. Т. 5.

Белинский В. Г. (1956) Взгляд на русскую литературу 1847 года // Белинский В. Г. Полн. собр. соч.: В 13 т. М. Т. 10.

Благой Д. Д. (1972) Литературный процесс и его закономерности // Благой Д. Д. От Кантемира до наших дней. М. Т. 1.

Большой энциклопедический словарь (1998). М.

Бурдьё П. (2002) О телевидении и журналистике. М.

Буркхардт Я. (1996) Культура Италии в эпоху Возрождения. М.

Буссе К. (1913–1914) История мировой литературы: В 3 т. СПб.

Вершинин И. В. (2003) Предромантические тенденции в английской поэзии XVIII века и «поэтизация» культуры. Самара.

Веселовский А. Н. (1940а) Историческая поэтика. Л.

Веселовский А. Н. (1940б) О методе и задачах истории литературы, как науки // Веселовский А. Н. Историческая поэтика. Л. С. 41–52.

Виппер Ю. Б. (1983) Вступительные замечания // История всемирной литературы: В 9 т. М. Т. 1. С. 5–12.

Всеобщая история литературы (1880–1892): В 4 т. / Под ред. В. Ф. Корша и А. Кирпичникова. СПб.

Ганин В. Н. (1990) Поэзия Эдуарда Юнга: Становление жанра медитативно-дидактической поэмы: Автореф. дис... канд. филол. наук. М.

Ганин В. Н. (1998) Поэтика пасторали: Эволюция английской пасторальной поэзии XVI–XVII веков. Оксфорд.

Гачев Г. Д. (1989) Неминуемое: Ускоренное развитие литературы. М.

Гуманитарное знание: тенденции развития в XXI веке. (2006) В честь 70-летия Игоря Михайловича Ильинского / Под общ. ред. Вал. А. Лукова. М.

Даль В. И. (2007) Словарь живого великорусского языка: В 4 т. М.

Дворецкий И. Х. (1958) Древнегреческо-русский словарь: В 2 т. М. Т. 2.

Древнерусская литература и русская литература XVIII–XX веков (1971) / Отв. ред. Д. С. Лихачев. Л.

Дремов М. А. (2005) Французская литература в «новой критике» (Р. Барт, Ж. Женетт, Ж. Старобинский): Дис. .. канд. филол. наук. М.

Елизарова М. Е. (1951) Бальзак. М.

Есин С. Н. (2005) Писатель в теории литературы: проблема самоидентификации: Автореф. дис... канд. филол. наук. М.

Есин С. Н. (2006) Писатель в теории литературы: проблема самоидентификации: Дис. .. доктора филол. наук. М.

Жаринов Е. В. (2004) Историко-литературные корни массовой беллетристики. М.

Женетт Ж. (1998) Фигуры: В 2 т. М.

Жирмунский В. М. (1979) Литературные течения как явление международное // Жирмунский В. М. Сравнительное литературоведение. Запад и Восток: Статьи. Л.

Зарубежная литература. XX век (2003) / Н. П. Михальская, В. А. Пронин, Е. В. Жаринов и др.; под общ. ред. Н. П. Михальской. М.

Зарубежные писатели (1997): Биобиблиографический словарь: В 2 т. / Под ред. Н. П. Михальской. М.

Зарубежные писатели (2003): Биобиблиографический словарь: В 2 т. / Под ред. Н. П. Михальской; 2-е, расшир. изд. М.

Зиммель Г. (1996) Избранное. Т. 2. Созерцание жизни. М.

Иезуитов А. Н. (1975) Социалистический реализм в теоретическом освещении. Л.

Ильинский И. М. (2002) Образовательная революция. М.

Ильинский И. М. (2006) Между Будущим и Прошлым: Социальная философия Происходящего. М.

Исследования «Слова о полку Игореве» (1986) / Отв. ред. Д. С. Лихачев. Л.

Историко-литературный процесс (1974): Проблемы и методы изучения. Л.

Историческая поэтика (1994): Литературные эпохи и типы художественного сознания. М.

История всемирной литературы (1983–1994): В 9 т. М. Т. 1–8 (неоконч. изд.).

История русской литературы (1941): Учебник / Под ред. В. А. Десницкого. М. Т. 1.

- История русской литературы (1980): В 4 т. Л. Т. 1.
- История русской литературы (1940–1948): В 13 т. М.; Л.
- Ишемгулова Г. М. (1990) Драматургия Ж.-Р. Блока (проблема жанра): Автореф. дис... канд. филол. наук. М.
- Карамзин Н. М. (1988–1989) История государства Российского: в 4 т. / подгот. под наблюдением Д. С. Лихачева, С. О. Шмидта. М.
- Кирнозе З. И. (1977) Французский роман XX века (Годы 20 — 30-е. Проблема жанра). Горький.
- Кожевников М. В. (2001) Плачущая муза: Английская сентиментальная комедия в системе драматических жанров. Магнитогорск.
- Конрад Н. И. (1957) К вопросу о литературных связях // Изв. АН СССР. ОЛЯ. Т. 16, вып. 4.
- Конрад Н. И. (1959) Проблемы современного сравнительного литературоведения. М.
- Конрад Н. И. (1961) Литературы народов Востока и общее литературоведение // Проблемы востоковедения. № 1.
- Конрад Н. И. (1966) Запад и Восток. М.
- Конрад Н. И. (1967) Об эпохе Возрождения // Литература эпохи Возрождения и проблемы всемирной литературы. М.
- Конрад Н. И. (1972) Запад и Восток: Статьи / 2-е изд. М.
- Кузнецова Т. Ф. (2004) Формирование массовой литературы и ее социокультурная специфика // Массовая культура / К. З. Акопян, А. В. Захаров, С. Я. Кагарлицкая и др. М.
- Кузнецова Т. Ф. (2006) Культура и время // Тезаурусный анализ мировой культуры: Сб. науч. трудов. Вып. 8. М. С. 18–23.
- Кулаковский Л. В. (1977) Песнь о полку Игореве. Опыт восстановления модели древнего мелоса. М.
- Ленин В. И. (1969) Философские тетради // Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 29. М.

Летурно Ш. (1895) Литературное развитие различных племен и народов. СПб.

Лихачев Д. С. (1935) Черты первобытного примитивизма воровской речи // Язык и мышление. М.; Л. С. 47–100.

Лихачев Д. С. (1945a) Национальное самосознание Древней Руси: Очерки из области русской литературы XI–XVII вв. Л.

Лихачев Д. С. (1945b) Новгород Великий: Очерк истории культуры Новгорода XI–XVII вв. Л.

Лихачев Д. С. (1950a) Бессмертное произведение русской литературы: (К 150-летию первого издания «Слова о полку Игореве») // Звезда. № 12. С. 150–154.

Лихачев Д. С. (1950b) Исторический и политический кругозор автора «Слова о полку Игореве» // Слово о полку Игореве: Сб. исслед. и ст. / Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. М.; Л. С. 5–52.

Лихачев Д. С. (1950c) Повесть временных лет. По Лаврентьевской летописи 1377 г.: Ист.-лит. очерк // Повесть временных лет. По Лаврентьевской летописи 1377 г.: В 2 ч. / Подгот. текста, пер. с древнерус. (совм. с Б. А. Романовым) и комм. Д. С. Лихачева; под ред. В. П. Адриановой-Перетц. М.; Л. Ч. 2. С. 4–148.

Лихачев Д. С. (1950d) Слово о полку Игореве: Ист.-лит. очерк / Отв. ред. В. П. Адрианова-Перетц. М.; Л. (Науч.-попул. сер.).

Лихачев Д. С. (1950e) Слово о полку Игореве: Ист.-лит. очерк // Слово о полку Игореве / Изд. подгот. Д. С. Лихачев, В. П. Адрианова-Перетц, Н. Н. Воронин, под ред. В. П. Адриановой-Перетц. М.; Л. С. 229–290. (Лит. памятники).

Лихачев Д. С. (1950f) Устные истоки художественной системы «Слова о полку Игореве» // Слово о полку Игореве: Сб. исслед. и ст. / Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. М.; Л. С. 53–92.

Лихачев Д. С. (1952) Возникновение русской литературы. М.; Л.

Лихачев Д. С. (1955) Слово о полку Игореве : ист.-лит. очерк / 2-е изд., доп. М.; Л.

Лихачев Д. С. (1958) Человек в литературе древней Руси. М.; Л.

Лихачев Д. С. (1961) «Слово о полку Игореве» — героический пролог русской литературы. М.; Л.

Лихачев Д. С. (1962) Культура Руси времен Андрея Рублева и Епифания Премудрого (Конец XIV — начало XV в.). М.; Л.

Лихачев Д. С. (1963) Система литературных жанров древней Руси // V Международный съезд славистов (София, сентябрь, 1963): Материалы докладов. София.

Лихачев Д. С. (1967) Поэтика древнерусской литературы. Л.

Лихачев Д. С. (1970) Сюжетное повествование в памятниках, стоявших вне жанровых систем XI–XIII вв. // Истоки русской беллетристики. Возникновение жанров сюжетного повествования в древнерусской литературе. Л.

Лихачев Д. С. (1970) Человек в литературе древней Руси / Изд. 2-е. М.

Лихачев Д. С. (1973) Развитие русской литературы X–XVII веков: Эпохи и стили. Л.

Лихачев Д. С. (1975) Великое наследие: Классические произведения литературы Древней Руси. М.

Лихачев Д. С. (1978) «Слово о полку Игореве» и культура его времени. Л.

Лихачев Д. С. (1980) Экология культуры // Памятники Отечества. М. № 2. С. 10–16.

Лихачев Д. С. (1982) Поэзия садов: К семантике садово-парковых стилей. Л.

Лихачев Д. С. (1983) Текстология: На материале русской литературы X–XVII веков. Л.

Лихачев Д. С. (1985) Не рассчитано ли было «Слово» на двух исполнителей? // Знание — сила. № 6. С. 7–9.

Лихачев Д. С. (1986) Исследования по древнерусской литературе. Л.

Лихачев Д. С. (1987а) Избранные работы: В 3 т. Л.

Лихачев Д. С. (1987b) «Крестьянин, торжествуя...» // Лихачев Д. С. Избранные работы: В 3 т. Л. Т. 3. С. 227–229.

Лихачев Д. С. (1987c) Великий путь: Становление русской литературы XI–XVII вв. М.

Лихачев Д. С. (1987d) О себе // Лихачев Д. С. Избранные работы: В 3 т. Л. Т. 1.

Лихачев Д. С. (1987e) Развитие русской литературы X–XVII веков: Эпохи и стили // Лихачев Д. С. Избранные работы: В 3 т. М. Т. 1. С. 24–260.

Лихачев Д. С. (1987f) Размышления об авторе «Слова о полку Игореве» // Лихачев Д. С. Избранные работы: В 3 т. М. Т. 3. С. 165–170.

Лихачев Д. С. (2000) Леонид Владимирович Георг (о моем учителе) // Русское возрождение: Независимый русский православный журнал: Двадцать третий год издания. Памяти Д. С. Лихачева. Нью-Йорк, Москва, Париж. № 77–78. С. 159–168.

Лихачев Д. С., Панченко А. М. (1976) «Смеховой мир» Древней Руси. Л.

Лихачев Д. С., Панченко А. М., Понырко Н. В. (1984) Смех в Древней Руси. Л.

Лихачев Д. С., Тиханова М. А. (1942) Оборона древнерусских городов. Л., 1942.

Лосев А. Ф. (1978) Эстетика Возрождения. М.

Лосев А. Ф. (1983) О значении истории философии для формирования марксистско-ленинской культуры мышления // Алексею Федоровичу Лосеву: К 90-летию со дня рождения. Тбилиси. С. 142–155.

Лосев А. Ф. (1994) История античной эстетики: Итоги тысячелетнего развития: В 2 кн. М. Кн. 2.

Лотман Ю. М. (1992) Культура и взрыв. М.

Лотман Ю. М. (1998) Об искусстве. СПб.

Луков Вал. А., Луков Вл. А. (2004) Тезаурусный подход в гуманитарных науках // Знание. Понимание. Умение. 2004. № 1. С. 93–100.

Луков Вал. А., Луков Вл. А. (2005) Тезаурусный анализ мировой культуры // Тезаурусный анализ мировой культуры. Сб. науч. трудов: Вып. 1. М. С. 3–14.

Луков Вал. А., Луков Вл. А. (2006) Гуманитарное знание: тезаурусный подход // Вестник Международной Академии Наук (Русская секция). № 1. С. 69–74.

Луков Вал. А., Луков Вл. А. (2008) Тезаурусы: Субъектная организация гуманитарного знания. М.

Луков Вл. А. (1980) «Песнь о Роланде» в свете фольклора // Изучение произведений зарубежных писателей на уроках и факультативных занятиях в средней школе: Сб. научных трудов. М. С. 85–100.

Луков Вл. А. (1981) [Рец. на кн.:] Л. Г. Андреев. Импрессионизм. Изд-во МГУ, 1980 // Филологические науки. № 4. С. 84–86.

Луков Вл. А. (2006) Предромантизм. М.

Луков Вл. А. (2007) Пушкин: русская всемирность // Знание. Понимание. Умение. № 2. С. 58–73.

Луков Вл. А. (2009) История литературы: Зарубежная литература от истоков до наших дней / 6 изд. М.

Луков Вл. А., Луков М. В., Луков А. В. (2006) Телевидение и культура Происходящего // Тезаурусный анализ мировой культуры: Сб. науч. трудов. Вып. 8. М. С. 44–69.

Луков Вл. А., Соломатина Н. В. (2005) Феномен Уайльда. М.

Луков М. В. (2006) Телевидение: конструирование культуры повседневности: Дис. ... канд. филос. наук. М.

Мелетинский Е. М. (1983) Средневековый роман: Происхождение и классические формы. М.

Михальская Н. П. (2003а) Десять английских романистов. М.

Михальская Н. П. (2003б) Образ России в английской художественной литературе IX–XIX веков. М.

Михальская Н. П. (2006) История английской литературы. М.

Муравьев А. В., Сахаров А. М. (1984) Очерки истории русской культуры IX–XVII вв. / 2-е изд. М.

Наливайко Д. С. (1987) Теоретическая история реализма в европейских литературах: Дис. ... доктора филол. наук. Киев.

Неупокоева И. Н. (1976) История всемирной литературы: Проблемы системного и сравнительного анализа. М.

Никола М. И. (2003) Античная литература / 2-е изд. М.

Ощепков А. Р. (2010) Образ России во французских путевых записках XIX века. М.

Панченко А. М. (1986) Топика и культурная дистанция // Историческая поэтика: итоги и перспективы изучения. М.

Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским (1979) / Изд. подгот. Я. С. Лурье, Ю. Д. Рыков, отв. ред. Д. С. Лихачев. Л. (Лит. памятники).

Повесть о Горе-Злочастии (1984) / Изд. подгот. Д. С. Лихачев, Е. И. Ванеева. Л. (Лит. памятники).

Подгорский А. В. (1998) Английские мемуары XVII века. Магнитогорск.

Послания Ивана Грозного (1951) / Подг. текста Д. С. Лихачева, Я. С. Лурье, коммент. Я. С. Лурье, под ред. В. П. Адриановой-Перетц. М.; Л. (Лит. памятники).

Поспелов Г. Н. (1988) Стадиальное развитие европейских литератур. М.

Потебня А. А. (1914) Слово о полку Игореве / 2-е изд. Харьков.

Пронин В. А. (1986) «Стихи, достойные запрета...». Судьба поэмы Генриха Гейне «Германия. Зимняя сказка». М.

Пропп В. Я. (1976) Фольклор и действительность. М.

Пуришев Б. И. (1931) Гёте. М.

Рыбаков Б. А. (1972) Русские летописцы и автор «Слова о полку Игореве». М.

Савельев К. Н. (2007) Литература английского декаданса: Истоки. Генезис. Становление. Магнитогорск.

Симаков В. С. (2004) Жанровая поэтика романов Сирано де Бержерака: Автореф. дис... канд. филол. наук. М.

Сказания и повести о Куликовской битве (1982) (Древнерусские тексты и пер.) / Изд. подгот. Л. А. Дмитриев, О. П. Лихачева, отв. ред. Д. С. Лихачев. Л. (Лит. памятники).

Словарь иностранных слов (1989) / 18-е изд., стереотип. М.

Словарь русского языка: В 4 т. (1957–1961). М.

Слово о полку Игореве (1950) / Изд. подгот. Д. С. Лихачев, В. П. Адрианова-Перетц, Н. Н. Воронин, под ред. В. П. Адриановой-Перетц. М.; Л. (Лит. памятники).

Современный толковый словарь русского языка (2004) / Авт. проекта и гл. ред. С. А. Кузнецов. М. С. 901.

Спор о древних и новых (1985) / Сост. В. Я. Бахмутский. М.

Сталь Ж. де (1989) О литературе, рассмотренной в связи с общественными установлениями. М.

Старобинский Ж. (2002) Монтень в движении // Старобинский Ж. Поэзия и знание: История литературы и культуры: В 2 т. М. Т. 2. С. 7–356.

Стеблин-Каменский М. И. (1979) Древнескандинавская литература. М.

Тезаурусный анализ мировой культуры (2005–2011): сб. науч. трудов. Вып. 1–21. М.

- Теория литературы (2001). Т. 4: Литературный процесс. М.
- Типология и взаимосвязи средневековых литератур Востока и Запада (1974) / Отв. ред. Б. Л. Рифтин. М.
- Трыков В. П. (1989) «Героические жизни» Ромена Роллана: Автореф. дис... канд. филол. наук. М.
- Трыков В. П. (1999) Французский литературный портрет XIX века. М.
- Тынянов Ю. Н. (1929) Архаисты и новаторы. Л.
- Тынянов Ю. Н. (1977a) Литературный факт // Тынянов Ю. Н. Поэтика. История литературы. Кино. М. С. 255–269.
- Тынянов Ю. Н. (1977b) О литературной эволюции // Тынянов Ю. Н. Поэтика. История литературы. Кино. М. С. 270–281.
- Уэллек Р., Уоррен О. (1978) Теория искусства. М.
- Филологические исследования (1990) / Отв. ред. Д. С. Лихачев. М.; Л.
- Философский словарь (1972) / Под ред. М. М. Розенталя; 3-е изд. М.
- Философский энциклопедический словарь (1989) / 2-е изд. М.
- Хализев В. Е. (2001a) Литературный процесс // Литературная энциклопедия терминов и понятий / Гл. ред. и сост. А. Н. Николюкин. М.
- Хализев В. Е. (2001b) Теория литературы // Литературная энциклопедия терминов и понятий / Гл. ред. и сост. А. Н. Николюкин. М.
- Храповицкая Г. Н., Коровин А. В. (2002) История зарубежной литературы. Западноевропейский и американский романтизм. М.
- Цурганова Е. А. (2004) Герменевтика // Западное литературоведение XX века. М. С. 101–102.
- Чельшев Е. П. (1991) Сопричастность красоте и духу: Взаимодействие культур Востока и Запада. М.
- Шайтанов И. О. (1989) Мыслящая муза: «Открытие природы» в поэзии XVIII века. М.

Шейкевич А. Я., Андриющенко В. М., Ребецкая Н. А. (2003) Статистический словарь языка Достоевского. М.

Шергин В. С. (1999) Роман Владимира Набокова «Bend sinister»: Анализ мотивов: Автореф. дис... канд. филол. наук. М.

Шерр И. (1905) Иллюстрированная всеобщая история литературы: В 2 т. / 2-е изд. М.

Barthes R. (1984) La mort de l'auteur // Barthes R. Le bruissement de la langue. P.

Burkhardt J. (1860) Die Kultur der Renaissance in Italien. Basel.

Busse K. (1910–1913) Geschichte der Weltliteratur: Bd. 1–2. Bielefeld; Leipzig.

Calvet L.-J. (1990) Roland Barthes. P.

D'un siècle à l'autre: Anciens et Modernes (1987). Marseille.

Dosse F. (1991) Histoire du structuralisme. P.

Genette G. (1966) Figures I. P.

Genette G. (1969) Figures II. P.

Genette G. (1972) Figures III. P.

Gillot H. (1968) La Querelle des Anciens et des Modernes en France. P. (1 éd. — 1914).

Grondin J. (1994) Hermeneutische Wahrheit? Zum Wahrheitsbegriff H.-G. Gadamer. Weinheim.

Hart J. (1894) Geschichte der Weltliteratur und Theaters aller Zeiten und Völker: Bd. 1–2. Neudamm.

Hirsch E. D. (1967) Validity in interpretation. New Haven.

Hirsch E. D. (1972) Three dimensions of hermeneutics // New literary history. Baltimore. V. 3. № 2.

Hirsch E. D. (1976) The aims of interpretation. Chicago.

Histoire des littératures (1957–1963): T. 1–3 / Sous la dir. de R. Quéneau. P.

Huizinga J. (1938) *Le problème de la Renaissance* // *Revue des Cours et des Conférences*. № 2.

Kristeva J. (1967) *Bakhtine, le mot, le dialogue et le roman* // *Critique* (Paris). № 23. P. 438–465.

Kristeva J. (1970) *Le texte du roman*. P.

Lavers A. (1982) *Roland Barthes: Structuralism and after*. L.

Leixner O. von (1898–1899) *Geschichte der Literaturen aller Völker*: Bd. 1–4. Leipzig.

Les grands écrivains du monde (1976–1978): T. 1–5 / Sous la dir. de P. Brunel et R. Joanny. P.

Letourneau C. (1894) *L'évolution littéraire dans les diverses races humaines*. P.

Litteraturens världshistoria (1971–1974): Bd. 1–12 / Centralred. F. J. Billescov Jansen. Stockholm.

Madison G. B. (1988) *The hermeneutics of postmodernity*. Bloomington.

Michelet J. (1855) *Renaissance*. P.

Roger Ph. (1986) *Roland Barthes, roman*. P.

Scherr J. (1884–1885) *Bildersaal der Weltliteratur*: Bd. 1–3. Stuttgart.

Scholes R. (1974) *Structuralism in Literature. An Introduction*. Yale UP.

Silverman H. (1991) *Gadamer and hermeneutics*. N. Y.

Starobinski J. (1953) *Montesquieu par lui-même*. P.

Starobinski J. (1958) *Jean-Jacques Rousseau: La transparence et l'obstacle*. P.

Starobinski J. (1982) *Montaigne en mouvement*. P.

Starobinski J. (1989) *La mélancolie au miroir: Trois lectures de Baudelaire*. P.

Starobinski J. (1991) *Diderot dans l'espace des peintres*. P.

The literature of all nations and all ages (1902): V. 1–10 / Ed. by
J. Harthorne etc. Chicago etc.

Trawick B. B. (1963–1964) World literature: V. 1–2. N. Y.

Warren A. (1929) Alexander Pope as critic and Humanist. Princeton.

Warren A. (1939) Richard Crashaw: A study in Baroque sensibility.
Baton Rouge.

Wellek R. (1981) Four critics: Croce, Valéry, Lukàcs and Ingarten.
Seattle.

Wellek R., Warren A. (1949) Theory of literature. N. Y.

ПЕРЕЧЕНЬ РАБОТ Д. С. ЛИХАЧЕВА

(по материалам сайта, посвященного Д. С. Лихачеву:

<http://likhachev.lfond.spb.ru>

Внесены необходимые исправления.

Перечень позволяет судить о культурном тезаурусе Д. С. Лихачева)

Лихачев Д. С. Черты первобытного примитивизма воровской речи // Язык и мышление. М.: Л., 1935. Т. 3–4. С. 47–100.

Лихачев Д. С. Бессмертное произведение русской литературы: (К 150-летию первого издания «Слова о полку Игореве») // Звезда. 1950. № 12. С. 150–154.

Лихачев Д. С. Исторический и политический кругозор автора «Слова о полку Игореве» // Слово о полку Игореве: Сб. исслед. и ст. / Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. М., Л., 1950. С. 5–52.

Лихачев Д. С. Повесть временных лет. По Лаврентьевской летописи 1377 г.: [Ист.-лит. очерк (Ч. 2. С. 4–148), подгот. текста, пер. с древнерус. (совм. с Б. А. Романовым) и комм.] / Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. М., Л., 1950. Ч. 1–2.

Лихачев Д. С. Слово о полку Игореве: [Ист.-лит. очерк (с. 229–290), подгот. текста, пер. с древнерус., коммент. и примеч.] / Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. М.; Л., Изд-во АН СССР, 1950. 481 с. (Лит. памятники).

Лихачев Д. С. Слово о полку Игореве: Ист.-лит. очерк / Отв. ред. В. П. Адрианова-Перетц. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. 164 с. (Науч.-попул. сер.) (2-е изд., доп. — 1955).

Лихачев Д. С. Устные истоки художественной системы «Слова о полку Игореве» // Слово о полку Игореве: Сб. исслед. и ст. / Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. М., Л., 1950. С. 53–92.

Лихачев Д. С. Вопросы атрибуции текстов древнерусской литературы // О принципах определения авторства в связи с общими

проблемами теории и истории литературы: Науч. сессия. (Тез. докл. и сообщ.). Л., 1960. С. 5–12.

Лихачев Д. С. Некоторые задачи изучения второго южнославянского влияния в России // Исследования по славянскому литературоведению и фольклористике: Докл. сов. ученых на IV Междунар. съезде славистов. М., 1960. С. 95–151.

Лихачев Д. С., Богородский Б. Л., Ларин Б. А. О словаре-комментарии «Слова о полку Игореве» // Тр. Отд. древнерус. лит. 1960. Т. 16. С. 424–441.

Лихачев Д. С. Об одной особенности реализма // Вопросы литературы. 1960. № 3. С. 53–68.

Лихачев Д. С. Понятие «лучшего списка» в текстологической работе // Археографический ежегодник за 1958 год / Под ред. М. Н. Тихомирова. М., 1960. С. 7–10.

Лихачев Д. С. Серия монографических исследований памятников древнерусской литературы // Известия АН СССР. Отд-ние лит. и яз. 1960. Т. 19, вып. 3. С. 237–242.

Лихачев Д. С. Древнерусская культура и современность: Интервью // Декоративное искусство СССР. 1970. № 1. С. 41–43.

Лихачев Д. С. Забытый сербский писатель первой половины XVI века Аникита Лев Филолог // Горски вијенац. A garland of essays offered to professor E. M. Hill. Cambridge, 1970. P. 215–219. (Publ. Modern humanities res. assoc., Vol. 2).

Лихачев Д. С. О планировании изучения древней русской литературы // Пути изучения древнерусской литературы и письменности. Л., 1970. С. 5–12.

Лихачев Д. С. Основные направления в беллетристике XVII в. // Истоки русской беллетристики. Возникновение жанров сюжетного повествования в древнерусской литературе. Л., 1970. С. 491–500, 525–536, 558–561.

Лихачев Д. С. Памяти Владимира Валерьяновича Данилова (20 /VII 1881 г. 23/IV 1970 г.) // Памятники русской литературы X–XVII вв. М., Л., 1970. С. 351–354. (Тр. Отд. древнерус. лит., Т. 25.).

Лихачев Д. С. Письмо в редакцию. [По поводу книги А. Н. Копылова «Культура русского населения Сибири в XVII–XVIII вв.». Новосибирск, 1968] // Известия АН СССР. Сер. лит. и яз. 1970. Т. 29, вып. 5. С. 470–471.

Лихачев Д. С. Сюжетное повествование в памятниках, стоявших вне жанровых систем XI–XIII вв. // Истоки русской беллетристики. Возникновение жанров сюжетного повествования в древнерусской литературе. Л., 1970. С. 195–207.

Лихачев Д. С. Сюжетное повествование и новые явления в русской литературе XVII в. // Истоки русской беллетристики. Возникновение жанров сюжетного повествования в древнерусской литературе. Л., 1970. С. 454–457.

Лихачев Д. С. Художественная среда литературного произведения // Симпозиум «Проблемы ритма, художественного времени и пространства в литературе и искусстве», 21–25 дек. 1970.: Тез. и аннот. Л., 1970. С. 7–9.

Лихачев Д. С. Богаче духом, сильнее разумом...: [О пробл. изд. для младших школьников ист. кн.] // Детская литература. 1980. № 1. С. 73–75.

Лихачев Д. С. Ваша профессия и ваш патриотизм // Ленин. Наука. Молодежь. М., 1980. С. 213–216.

Лихачев Д. С. Воспоминания о Николае Асееве // Воспоминания о Николае Асееве / Сост. К. М. Асеева, О. Г. Петровская. М., 1980. С. 240–302.

Лихачев Д. С. Заметки о русском // Новый мир. 1980. № 3. С. 10–38.

Лихачев Д. С. История русской культуры показывает ее открытый характер: [Размышления] // Культура и жизнь. 1980. № 10. С. 28–29.

Лихачев Д. С., Андреев Ю. А., Баскаков В. Н. К 70-летию академика Алексея Сергеевича Бушмина // Русская литература. 1980. № 3. С. 242–243.

Лихачев Д. С. Куликовская битва в истории русской культуры // Поле Куликово: Сказания о битве на Дону. М., 1980. С. 7–15. (Воинам рус. рати, 1380–1980).

Лихачев Д. С. Куликовская битва в миниатюрах XVI века // Повесть о Куликовской битве: Из Лицевого летопис. свода XVI в. The tale of the battle on the Kulikovo field / Сост. Л. А. Дмитриев, пер. с древнерус. О. П. Лихачевой. Л., 1980. С. 171–177. [На рус. и англ. яз.].

Лихачев Д. С. Литература эпохи «Слова о полку Игореве» // Памятники литературы Древней Руси: XII век / Сост., общ. ред. Л. А. Дмитриева, Д. С. Лихачева. М., 1980. С. 5–22. (Памятники лит. Древней Руси).

Лихачев Д. С. Ложная этическая оценка у Н. С. Лескова // Звезда. 1980. № 7. С. 176–179.

Лихачев Д. С. Мировое значение Куликовской победы // Художник. 1980. № 10. С. 38–49.

Лихачев Д. С. Моление Даниила Заточника: [Подгот. текста, пер., коммент.] // Памятники литературы Древней Руси: XII век / Сост., общ. ред. Л. А. Дмитриева, Д. С. Лихачева. М., 1980. С. 388–399, 688–690.

Лихачев Д. С. На священное дело: [К 600-летию Куликовской битвы] // Дружба. 1980. № 5. С. 66–69.

Лихачев Д. С. [О переводе Игоря Шкляревского «Слова о полку Игореве»] // Октябрь. 1980. № 9. С. 3.

Лихачев Д. С. Озаренная «Словом» [«Задонщина»]: (Из кн. «Великое наследие») Меж Непрядвой и Доном: (К 600-летию Куликовской битвы). М., 1980. С. 102–108.

Лихачев Д. С. Победа на Куликовом поле: (К 600-летию Куликовской битвы) // Русская речь. 1980. № 4. С. 52–55.

Лихачев Д. С. Повесть о Николе Заразском: [Пер. с древнерус.] // На поле Куликовом: Рассказы рус. летописей и воин. повести XIII–XV вв. / Худ. и сост. А. Шмаринов. М., 1980. С. 43–52.

Лихачев Д. С. Повесть о разорении Рязани Батыем: [Пер. с древнерус.] // На поле Куликовом: Рассказы рус. летописей и воин. повести XIII–XV вв. / Худ. и сост. А. Шмаринов. М., 1980. С. 53–70.

Лихачев Д. С. Понимать, значит — знать: Размышления о творч. чтении // В мире книг. 1980. № 8. С. 68–70.

Лихачев Д. С. Поэзия труда библиографа // Советская библиография. 1980. № 2. С. 62–64.

Лихачев Д. С. Работа Международной эдиционнo-текстологической комиссии (1958–1978) // Лебедева Е. Д. Текстология: Тр. Междунар. эдиционнo-текстол. комис. при Междунар. ком. славистов. Указ. докл. и публ., 1958–1978. М., 1980. С. 5–13.

Лихачев Д. С. Русская культура и сражение на Куликовом поле за Доном // Звезда. 1980. № 9. С. 3–8.

Лихачев Д. С. Русь перед Куликовской битвой: [Беседа] // Знание — сила. 1980. № 8. С. 15–17.

Лихачев Д. С. Своеобразие исторического пути русской литературы X — первой четверти XVIII века: Введение // История русской литературы: В 4 т. Т. 1. Древнерусская литература. Литература XVIII века. Л., 1980. С. 11–18. (Заключение // Там же. С. 446–462).

Лихачев Д. С. [Советская афористика] // В мире книг. 1980. № 7. С. 3 обл.

Лихачев Д. С. Соловки в истории русской культуры // Архитектурно-художественные памятники Соловецких островов. М., 1980. С. 9–41.

Лихачев Д. С. Художественные особенности русской средневековой литературы // Чтения по древнерусской литературе. Ереван, 1980. С. 5–19.

Лихачев Д. С. Шесть веков памяти: (К 600-летию Куликовской битвы) // Юный художник. 1980. № 8. С. 1–2.

Лихачев Д. С. Экология культуры // Памятники Отечества. М., 1980. № 2. С. 10–16.

Лихачев Д. С. Горькие мысли после пожара // Личное мнение: Сб. писательской публицистики. М.: Сов. писатель, 1990. Вып. 2. С. 306–312.

Лихачев Д. С. Давид Ильич Арсенишвили // Вачнадзе Н. З. Д. И. Арсенишвили: Эскизы к творческому портрету. Тбилиси: Изд-во Тбилисского ун-та, 1990. С. 5–6.

Лихачев Д. С. Диалоги [Д. С. Лихачева и Н. Г. Самвеляна): Что век грядущий нам готовит..., «Пока сердца для чести живы...», Продолжение разговора о чести, Многогранность таланта и логическое мышление, «Хронологический провинциализм», Возвышенный гений Пушкина, «Всесвет» // Круг чтения: Календарь 1990. М.: Изд-во полит, лит., 1990. С. 14, 28, 42, 56, 70, 84, 98, 112, 126, 140, 154, 168 (продолжение в 1991 г.).

Лихачев Д. С. Закономерности и антизакономерности в литературе // Русская литература. Л., 1990. № 1. С. 3–5.

Лихачев Д. С. Из «Повести временных лет»: [Пер. с древнерус.] // Сказания о чудесах. М.: Сов. Россия, 1990. Т. 1. С. 9–15. (Б-ка рус. фантастики: В 20 т.).

Лихачев Д. С. Каким быть обществу «Классика»? // Учительская газета. М., 1990. 16–23 окт., № 42. С. 8.

Лихачев Д. С. Книга или телеэкран? // Наше наследие. М., 1990. № 1. С. 36.

Лихачев Д. С. Кто мешает возрождению «Ленинграда»: Письмо в редакцию // Нева. Л., 1990. № 3. С. 191–192.

Лихачев Д. С. Моление Даниила Заточника: [Пер. с древнерус.] // Литература Древней Руси: Хрестоматия / Сост. Л. А. Дмитриев. М.: Высш. школа, 1990. С. 168–173.

Лихачев Д. С. Мыслители из провинции // Молодой коммунист. М., 1990. № 7. С. 46–47.

Лихачев Д. С. Назначение Изборника 1076 г. // Труды Отдела древнерусской литературы / АН СССР. Ин-т рус. лит. Л.: Наука, 1990. Т. 44. С. 179–184.

Лихачев Д. С. [О сохранности рукописных сокровищ Российской государственной библиотеки (б. ГБЛ)] // Огонек. М., 1990. № 3. С. 4.

Лихачев Д. С. О Ефиме Яковлевиче Дороше // Дорош Е. Дождь пополам с солнцем. Деревенский дневник. М.: Сов. писатель, 1990. С. 5–8.

Лихачев Д. С. О национальном характере русских // Вопросы философии. М., 1990. № 4. С. 3–6.

Лихачев Д. С. О сохранении памятников русского Севера: Письмо в ЦК КПСС // Известия ЦК КПСС. М., 1990. № 1. С. 119–121.

Лихачев Д. С. Петербургские встречи [По материалам заседания литературно-публицистического клуба «Глаголь»: Выступления] / Т. Шубина // Литературная учеба. М., 1990. № 4. С. 79–90.

Лихачев Д. С. [Письма]: Д. С. Лихачев — Н. Н. Асееву (15, 27 мая, 15, 29 июня, 4, 13 нояб., 21 дек. 1961 г., 15 янв., 13 февр., 27 мая, 11 июня, 10 июля, 8 авг., 5 нояб. 1962 г., 1, 13, 16 февр., 18, 27 марта 1963 г.) // Николай Асеев: Родословная поэзии. Статьи. Воспоминания. Письма / Сост. А. М. Крюкова и С. С. Лесневский; вступ. статья Л. А. Озерова; комм. А. М. Крюковой. М.: Сов. писатель, 1990. С. 454–455, 457–460, 463–466, 468, 470, 472–473, 476–481, 483, 485–488, 490–491.

Лихачев Д. С. Повесть временных лет (Отрывки): [Пер. с древнерус.] // Литература Древней Руси: Хрестоматия / Сост. Л. А. Дмитриев. М.: Высш. школа, 1990. С. 24–42.

Лихачев Д. С. Повесть о разорении Рязани Батыем: [Пер. с древнерус.] // Литература Древней Руси: Хрестоматия / Сост. Л. А. Дмитриев. М.: Высш. школа, 1990. С. 184–191.

Лихачев Д. С. Последнее средство / Т. Фирсова // Новое время. М., 1990. № 6. С. 47.

Лихачев Д. С. Поучение Владимира Мономаха: [Пер. с древнерус.] // Литература Древней Руси: Хрестоматия / Сост. Л. А. Дмитриев. М.: Высш. школа, 1990. С. 112–121.

Лихачев Д. С. Предисловие к книге: Чайковский О. «Как любопытный скиф ...»: Русский портрет и мемуаристика второй половины XVIII века. М., 1990. С. 3–4.

Лихачев Д. С. [Предисловие] // Федотов Г. П. Святые Древней Руси. М.: Моск. рабочий, 1990. С. 5–6.

Лихачев Д. С. Размышления над романом Б. Л. Пастернака [«Доктор Живаго»] // С разных точек зрения: «Доктор Живаго» Бориса Пастернака / Сост. Л. В. Бахнов, Л. Б. Воронин. М.: Сов. писатель, 1990. С. 170–183.

Лихачев Д. С. Россия // Позитив: Литературная полемика: Опыт критического ежегодника / Сост. В. Г. Бондаренко. М.: Сов. Россия, 1990. Вып. 2. С. 15–31.

Лихачев Д. С. Русская культура в духовной жизни мира // Русский язык за рубежом. М., 1990. № 6. С. 11–17.

Лихачев Д. С. Слово о полку Игореве: [Вступ. ст. («Слово о полку Игореве», с. 5–44, совм. с Л. А. Дмитриевым), реконстр. древнерус. текста, пер. с древнерус.] / Сост., подгот. текстов и примеч. Л. А. Дмитриева. Л.: Сов. писатель, Ленигр. отд-ние, 1990. 399 с. (Б-ка поэта. Малая сер. 4-е изд.).

Лихачев Д. С. Слово о полку Игореве: [Подготовка текста, пер. и коммент.] // Сказания о чудесах. М.: Сов. Россия, 1990. Т. 1. С. 9–15. С. 72–80, 511–512. (Б-ка рус. фантастики: В 20 т.).

Лихачев Д. С., Благово Н. В., Белодубровский Е. Б. Школа на Васильевском: Книга для учителя. М.: Просвещение, 1990. 159 с.

Лихачев Д. С. Hva venter oss i del 21 arhundre? Moskva: APN, 1990. 70 s. — На норвеж. яз.

Лихачев Д. С. Hvad vil det kommende arhundrede bringe? Moskva: APN, 1990. 75 s. — На дат. яз.

Лихачев Д. С. Le retour a l'homme: Dialogues sur le temps passe, present et a venir. Moscou: Progres, 1990. 227 p. Avec N. Samvelian.

Лихачев Д. С. Mita tuleva vuosisata tuo tullessaan. Moskova: APN, 1990. 75 s. — На фин. яз.

Лихачев Д. С. Next Century: What Will It Bring? Moskow: APN, 1990. 75 p. — На англ. яз.

Лихачев Д. С. Que nous reserve le siècle prochain? Moscou: APN, 1990. 79 p. — На франц. яз.

Лихачев Д. С. Vad har vi att vanta pa 2000-talet? Moskva: APN, 1990. 75 s. — На швед. яз.

Лихачев Д. С. Wat brengt de 21ste eeuw ons? Moskou: APN, 1990. 79 s. — На нидерланд. яз.

Лихачев Д. С. Вместо предисловия: Из воспоминаний Д. С. Лихачева // Русское возрождение: Независимый рус. правосл. нац. журнал: 23-й год изд. Памяти Д. С. Лихачева. Нью-Йорк, Москва, Париж, 2000. № 77–78. С. 14–18.

Лихачев Д. С. Доклад о старой орфографии // Русское возрождение: Независимый рус. правосл. нац. журнал: 23-й год изд. Памяти Д. С. Лихачева. Нью-Йорк, Москва, Париж, 2000. № 77–78. С. 23–28.

Лихачев Д. С. Воспитать в себе гражданина // Русское возрождение: Независимый рус. правосл. нац. журнал: 23-й год изд. Памяти Д. С. Лихачева. Нью-Йорк, Москва, Париж, 2000. № 77–78. С. 45–51.

Лихачев Д. С. «Нас обкрадывают...» [Интервью] // Русское возрождение: Независимый рус. правосл. нац. журнал: 23-й год изд. Памяти Д. С. Лихачева. Нью-Йорк, Москва, Париж, 2000. № 77–78. С. 55–63.

Лихачев Д. С. Обращение [от имени] Советского фонда культуры и Всесоюзного Пушкинского общества к депутатам Московского совета, народному депутату СССР С. Б. Станкевичу // Русское возрождение: Независимый рус. правосл. нац. журнал: 23-й год изд. Памяти Д. С. Лихачева. Нью-Йорк, Москва, Париж, 2000. № 77–78. С. 64–68.

Лихачев Д. С. Градозащитная семантика Успенских храмов на Руси // Русское возрождение: Независимый рус. правосл. нац. журнал: 23-й год изд. Памяти Д. С. Лихачева. Нью-Йорк, Москва, Париж, 2000. № 77–78. С. 69–81.

Лихачев Д. С. Нас спасет культура // Русское возрождение: Независимый рус. правосл. нац. журнал: 23-й год изд. Памяти Д. С. Лихачева. Нью-Йорк, Москва, Париж, 2000. № 77–78. С. 84–86.

Лихачев Д. С. Наука без морали погибнет // Русское возрождение: Независимый рус. правосл. нац. журнал: 23-й год изд. Памяти Д. С. Лихачева. Нью-Йорк, Москва, Париж, 2000. № 77–78. С. 87–100.

Лихачев Д. С. Передовая линия обороны Болгарского государства духа // Русское возрождение: Независимый рус. правосл. нац. журнал: 23-й год изд. Памяти Д. С. Лихачева. Нью-Йорк, Москва, Париж, 2000. № 77–78. С. 101–115.

Лихачев Д. С. Предисловие к пятому тому Полного собрания сочинений А. С. Пушкина на английском языке // Русское возрождение: Независимый рус. правосл. нац. журнал: 23-й год изд. Памяти Д. С. Лихачева. Нью-Йорк, Москва, Париж, 2000. № 77–78. С. 116–122.

Лихачев Д. С. День классики и культуры (радиопередача 24 мая 1990 г.) // Русское возрождение: Независимый рус. правосл. нац. журнал: 23-й год изд. Памяти Д. С. Лихачева. Нью-Йорк, Москва, Париж, 2000. № 77–78. С. 120–130.

Лихачев Д. С. Заметка об обществе «Классика» // Русское возрождение: Независимый рус. правосл. нац. журнал: 23-й год изд. Памяти Д. С. Лихачева. Нью-Йорк, Москва, Париж, 2000. № 77–78. С. 131.

Лихачев Д. С. Русская культура в современном мире // Русское возрождение: Независимый рус. правосл. нац. журнал: 23-й год изд. Памяти Д. С. Лихачева. Нью-Йорк, Москва, Париж, 2000. № 77–78. С. 134–151.

Лихачев Д. С. Леонид Владимирович Георг (о моем учителе) // Русское возрождение: Независимый рус. правосл. нац. журнал: 23-й год изд. Памяти Д. С. Лихачева. Нью-Йорк, Москва, Париж, 2000. № 77–78. С. 159–168.

Лихачев Д. С. Нельзя так относиться к памятникам народного зодчества: Письмо в редакцию «Литературной газеты» // Русское возрождение: Независимый рус. правосл. нац. журнал: 23-й год изд. Памяти Д. С. Лихачева. Нью-Йорк, Москва, Париж, 2000. № 77–78. С. 181–182.

Лихачев Д. С. Новгородские письма // Русское возрождение: Независимый рус. правосл. нац. журнал: 23-й год изд. Памяти Д. С. Лихачева. Нью-Йорк, Москва, Париж, 2000. № 77–78. С. 183–191.

Лихачев Д. С. Кому принадлежит история // Русское возрождение: Независимый рус. правосл. нац. журнал: 23-й год изд. Памяти Д. С. Лихачева. Нью-Йорк, Москва, Париж, 2000. № 77–78. С. 193–207.

Лихачев Д. С. Соловки // Русское возрождение: Независимый рус. правосл. нац. журнал: 23-й год изд. Памяти Д. С. Лихачева. Нью-Йорк,

Москва, Париж, 2000. № 77–78. С. 210–232. [Текст перепечатан из кн.: Лихачев Д. С. Статьи ранних лет. Тверь, 1993. С. 31–44].

Лихачев Д. С. Блокада: Как мы остались живы // Русское возрождение: Независимый рус. правосл. нац. журнал: 23-й год изд. Памяти Д. С. Лихачева. Нью-Йорк, Москва, Париж, 2000. № 77–78. С. 234–303.

Лихачев Д. С. О ленинградской блокаде: из неопубликованной беседы с Д. С. и З. А. Лихачевыми // Русское возрождение: Независимый рус. правосл. нац. журнал: 23-й год изд. Памяти Д. С. Лихачева. Нью-Йорк, Москва, Париж, 2000. № 77–78. С. 301–308.

Лихачев Д. С. Послесловие к брошюре 1942 года «Оборона древнерусских городов» /// Русское возрождение: Независимый рус. правосл. нац. журнал: 23-й год изд. Памяти Д. С. Лихачева. Нью-Йорк, Москва, Париж, 2000. № 77–78. С. 309–317.

Лихачев Д. С. [Выступление Д. С. Лихачева на заседании Президиума правления Советского фонда культуры 26 сентября 1990 года о выделении 3 млн. 700 тыс. рублей на реставрацию Валаамского монастыря] // Русское возрождение: Независимый рус. правосл. нац. журнал: 23-й год изд. Памяти Д. С. Лихачева. Нью-Йорк, Москва, Париж, 2000. № 77–78. С. 322–329.

Лихачев Д. С. Интервью Д. С. Лихачева «Литературной газете» 1993 г. // Русское возрождение: Независимый русский православный журнал: Двадцать третий год издания. Памяти Д. С. Лихачева. Нью-Йорк, Москва, Париж, 2000. № 77–78. С. 331–338.

Лихачев Д. С. Обращение в Верховный Совет о Музее изящных искусств // Русское возрождение: Независимый рус. правосл. нац. журнал: 23-й год изд. Памяти Д. С. Лихачева. Нью-Йорк, Москва, Париж, 2000. № 77–78. С. 340.

Лихачев Д. С. Письмо Г. В. Мясникову // Русское возрождение: Независимый рус. правосл. нац. журнал: 23-й год изд. Памяти

Д. С. Лихачева. Нью-Йорк, Москва, Париж, 2000. № 77–78. С. 341.

Лихачев Д. С. Предисловие к книге «Места, где провел я лучшие свои годы» (Пушкин о Захарове). Публикация З. А. и Л. Д. Лихачевых) // Русское возрождение: Независимый рус. правосл. нац. журнал: 23-й год изд. Памяти Д. С. Лихачева. Нью-Йорк, Москва, Париж, 2000. № 77–78. С. 342–343.

Лихачев Д. С. Декларация прав культуры: (Проект) / СПб. Гуманитарный ун-т профсоюзов; Под науч. ред. акад. Д. С. Лихачева. СПб.: Изд-во СПбГУП, 2000. 19 с.

Лихачев Д. С. Декларация прав культуры: [Проект]. М.: Логос, 2000. 8 с.

Лихачев Д. С. Жанровске у приказивану луди // Источник. Београд, 2000. № 33/34. С. 27–34. [Перевод с русского языка главы «Жанровые различия в изображении людей» из книги Д. С. Лихачева «Человек в литературе Древней Руси». М., 1970].

Лихачев Д. С. Соловке од 1928. до 1931. године // Источник. Београд, 2000. № 33/34. С. 35–43. [Перевод с русского языка статьи Д. С. Лихачева «Соловки. 1928–1931 годы»].

Лихачев Д. С. Избранное о культурном и природном наследии // Экология культуры: Альманах Института Наследия «Территория» / РАН. М., 2000. [Содержание: Экология культуры. С. 11–17; Сады и парки. С. 17–20; Охраняемый пейзаж. С. 20–21; Кому принадлежат исторические ландшафты. С. 21–24].

Лихачев Д. С. Избранное: Воспоминание / Ред. Т. Шмакова; 2-е изд., перераб. СПб., 2000. 608 с.

Лихачев Д. С. Литература «государственного устройства» [Вступ. ст.] // Библиотека литературы Древней Руси: [В 20-ти т. / Российская Академия наук. Институт русской литературы. (Пушкинский Дом);

Под ред. Д. С. Лихачева и др.]. СПб.: Наука. 2000. Т. 10: XVI век. С. 5–17; Комментарии. С. 562–617.

Лихачев Д. С. Небесная линия города на Неве: Воспоминания, статьи. СПб.: Серебряные ряды, 2000. 79 с.: ил. (Из серии: «Гражданин Великого города»)

Лихачев Д. С. Русская культура: Сборник. М.: Искусство, 2000. 438 с. [Содержание: Культура и совесть. С. 7. Культура как целостная среда. С. 9–19. Историческое самосознание и культура России. С. 21–31. Два русла русской культуры. С. 33–43. Три основы европейской культуры и русский исторический опыт. С. 45–49. Роль крещения Руси в истории культуры Отечества. С. 51–65. Размышления о русской истории. С. 67–79. Мысли о России. С. 81–89. Экология культуры. С. 91–101. Русская интеллигенция. С. 103–125. Провинция и великие «малые» города. С. 127–157. Градостроительные заветы Петра Великого. С. 175–183. Заметки об архитектуре. С. 185–195. Ценности культуры. С. 197–209. Разное о литературе. С. 211–263. Непрофессиональное в искусстве. С. 265–289. «Мелочи» поведения. С. 291–307. Про то и про се. С. 309–319. О науке и ненауке. С. 321–333. Из прошлого и о прошлом. С. 335–345. О природе для нас и о нас для природы. С. 347–353. О языке устном и письменном, старом и новом. С. 355–369. О жизни и смерти. С. 371–385. Русская культура в современном мире. С. 387–401. О русском и чужестранном. С. 403–418. Приложение: Интервью с акад. Д. С. Лихачевым. С. 419–420].

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
Глава I.	
Д. С. Лихачев: портрет ученого в гуманитарной науке	
§ 1. Путь Д. С. Лихачева в науке: ритмы, этапы, проблемы	5
§ 2. Д. С. Лихачев: харизма ученого как фактор концептуализации гуманитарного знания	12
Глава II.	
Теоретическая история литературы: генезис, сущность и теоретические следствия концепции Д. С. Лихачева	
§ 1. Научный контекст: состояние методологии литературоведения к 1970-м годам	23
§ 2. Основные положения концепции Д. С. Лихачева: формирование истории литературы как самостоятельной отрасли знаний со своей собственной теорией	37
Глава III.	
Следствия и параллели концепции Д. С. Лихачева	
§ 1. Теоретическая история литературы в работах отечественных литературоведов, Пуришевская научная школа	66
§ 2. Рождение историко-теоретического и тезаурусного подходов в гуманитарном знании	69
Заключение	82
Использованная литература	87
Список работ Д. С. Лихачева	101

Научное издание

ЛУКОВ ВЛАДИМИР АНДРЕЕВИЧ

**АКАДЕМИК Д. С. ЛИХАЧЕВ
И ЕГО КОНЦЕПЦИЯ
ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ ЛИТЕРАТУРЫ**

Монография

Верстка, оформление

Кира Ли

Отв. за печать

Илья Вагин

Подписано в печать 4.05.2011. Формат 60x84 1/16

Гарнитура Times New Roman. Усл. печ. л. 7,25.

Тираж 100. Заказ № 3

Отпечатано в Издательском центре ГИТРа.

119180, Москва, Бродников пер., д. 3

тел.: (495) 721 38 55, (499) 238 19 75.

www.mediaschool.ru; e-mail: mail@gitr.ru

Дмитрий Сергеевич Лихачев

Ист.: <http://www.epwr.ru/quotauthor/445/>

ISBN 978-5-94237-040-4

9 785942 370404